

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ тридцать пятый.

№ 6-й. 15-го марта 1901 года № 6-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою четыре рубл.

Часть официальная.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

О Высочайшемъ пожалованіи архіерейскаго облаченія съ митрою Преосвященному Тихону, епископу Николаевскому, викарію Самарской епархіи.

Самарская Духовная Консисторія съ уш а л и: отношеніе Гл. Оберъ-Прокурора Святѣшаго Синода, на имя Его Преосвященства, отъ 26 февраля сего года, за № 1459, между прочимъ слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему о посвященіи настоятеля Спасо-Преображенскаго единовѣрческаго монастыря, архимандрита Тихона во Епископа Николаевскаго, викарія Самарской епархіи, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 23-й день февраля сего года, пожаловать сему Преосвященному полное архіерейское облаченіе, съ митрою, изъ Кабинета Его Императорскаго Величества“. — На сѣмъ отношеніи послѣдовала резолюція Его Преосвященства, отъ 3-го сего марта, за № 3233, таковая: „Къ свѣдѣнію Консисторіи. Безотлагатель-

но слѣдуетъ напечатать о семъ пожалованіи въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Приказали: Во исполненіе резолюціи Его Преосвященства, о содержаніи отношенія Господина Оберъ-Прокурора напечатать въ Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

О назначеніи ревизіонныхъ комитетовъ на 1901 годъ по епархіи.

Самарская Духовная Консисторія слушала: предложеніе Его Преосвященства, отъ 6 сего февраля, за № 2237, о томъ, что въ составъ временныхъ ревизіонныхъ комитетовъ за 1900 г. по епархіальному и духовно-учебному вѣдомствамъ Самарской епархіи назначаются слѣдующія лица: 1) по духовной семинаріи: протоіерей тюремной церкви г. Самары Николай Богоявленскій, священникъ Иверскаго женскаго монастыря Василій Майерановъ и преподаватель означенной семинаріи Константинъ Казанскій. 2) По епархіальному женскому училищу: протоіерей тюремной церкви г. Самары Николай Богоявленскій и священники—Всесвятской церкви Андрей Розовъ и кафедральнаго собора Теофиль Богородицкій. 3) По Духовной Консисторіи: протоіерей Казанскаго собора Александръ Ястребовъ и священники—Покровской церкви Петръ Альбицкій и Успенской—Алексѣй Орловъ. 4) По Епархіальному попечительству: священники—Воскресенской церкви Прокопій Добросердовъ, Петропавловской—Николай Зефировъ и Троицкой церкви Константинъ Троицкій. 5) По Епархіальному свѣчному заводу: протоіерей Воскресенской церкви Николай Воронцовъ и священники Казанскаго собора Іоаннъ Пиксановъ и Троицкой церкви Іоаннъ Андреевъ. 6) По Эмеритальной кассѣ: протоіерей Петропавловской церкви Іоаннъ Соковнинъ и священники той же церкви Николай Зефировъ и Іоакимо-Аннинской церкви Левъ Григоровъ. 7) По Епархіальному Училищному Совѣту: протоіерей Рождества-Богородицкой церкви Михаилъ Смирновъ и священники—церкви Самарской мужской гимназіи Порфирій Алексѣевскій и Успенской церкви Алексѣй Орловъ. 8) По Самарскому уѣздному отдѣленію епархіальнаго Училищнаго Совѣта: священники—Воскресенской церкви Прокопій Добросердовъ и Михаилъ Рож-

дественскій и Сергіевской церкви Валентинъ Умовъ. 9) По Самарскому Иверскому женскому монастырю: протоіерей того же монастыря Гавріиль Фармаковскій, экономя Самарскаго архіерейскаго дома, игумень Софроній и священникъ Успенской церкви Василій Успенскій. 10) По архіерейскому дому и Самарскому Николаевскому мужскому монастырю: протоіерей Иверскаго монастыря Гавріиль Фармаковскій и священники Воскресенской церкви Михаилъ Рождественскій и Семень Сергіевскій. 11) По Раковскому Свято-Троицкому женскому монастырю: священники — села Раковки Михаилъ Терпигоревъ, села Большой Каменки Семень Адриановскій и того же монастыря Николай Волковъ. 12) По Ставропольскому Отдѣленію Самарскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта: священники Ильинской церкви г. Самары Гавріиль Крѣпкогорскій и духовной семинаріи Александръ Волковскій. 13) По Бугульминскому Ал.-Невскому монастырю: протоіерей Бугульминскаго собора Василій Малиновскій и священники того же собора Авдій Шарадковъ и с. Добрина Евлампій Беневоленскій. 14) По Бугульминскому Казанско-Богородицкому женскому монастырю: протоіерей Бугульминскаго собора Василій Малиновскій и священники — того же монастыря (который будетъ назначенъ) и богадѣленной г. Бугульмы церкви Николай Трубинъ. 15) По Бугульминскому отдѣленію Самарскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта: священники Бугульминскаго женскаго монастыря (который будетъ назначенъ) и с. Верхосуля Бѣтковъ. 16) По Бугурусланскому Покровскому женскому монастырю: священники — Михаило-Архангельской церкви г. Бугуруслана Александръ Смирновъ, училищной церкви Степанъ Суховъ и того же монастыря Николай Черновъ. 17) По Бугурусланскому отдѣленію Самарскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта: священники — Бугурусланскаго собора Іоаннъ Смирновъ и Успенской церкви Михаилъ Алексѣевъ. 18) По Бузулукскому Спасо-Преображенскому мужскому монастырю: священники — Никольской церкви г. Бузулука Василій Аѳонскій, Тихвинскаго женскаго монастыря Михаилъ Малиновскій и Ал.-Невской церкви Димитрій Шалфицкій. 19) по Бузулукскому Тихвинскому женскому монастырю: протоіерей Бузулукскаго

собора Николай Богоявленскій и священники Никольской церкви Василій Аѳонскій и Ал.-Невской церкви Константинъ Пиксановъ. 20) По Ключегорскому Казанско-Богородицкому женскому монастырю: священники того же монастыря Григорій Ивановъ и с. Игнашкина Ѳеодоръ Гидасповъ. 21) По Мойскому Свято-Троицкому мужскому монастырю: священники — с. Заплавнаго Андрей Докинъ, села Ольшанки Викторъ Подгорскій и с. Котлубановки Николай Докукинъ. 22) По Свято-Троицкой женской общинѣ: священники села Коржевки Виталій Вѳанцевъ и с. Съѣзжаго Василій Невскій. 23) По Бузулукскому Отдѣленію Самарскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта: священники — Никольской церкви г. Бузулука Василій Аѳонскій и Тихвинскаго женскаго монастыря Михаилъ Малиновскій, 24) По Николаевскому Вознесенскому женскому монастырю: протоіерей того же монастыря Александръ Кубаревъ и священники г. Николаевска Предтеченскаго собора Василій Парадоксовъ и Николай Аксеновъ. 25) По Спасо-Преображенскому единовѣрческому мужскому монастырю: протоіерей г. Николаевска Предтеченскаго собора Ѳеодоръ Лебедевъ и Вознесенскаго женскаго монастыря Александръ Кубаревъ. 26) По Средне-Никольскому единовѣрческому женскому монастырю: священники — Вознесенскаго женскаго монастыря Алексѣй Горизонтовъ, г. Николаевска Предтеченскаго собора Василій Парадоксовъ и единовѣрческой церкви г. Николаевска Іоаннъ Засѣдателевъ. 27) По Воскресенскому единовѣрческому мужскому монастырю; священники — с. Балакова Александръ Балаковскій и Іонникій Владыкинъ и единовѣрческой церкви Николай Николотовъ. 28) По Чагринскому Покровскому женскому монастырю: протоіерей того же монастыря Василій Крыловъ и священники с. Андросовки Ѳеодоръ Нотаревъ и с. Красной Поляны Александръ Добровидовъ. 29) По Николаевскому отдѣленію Самарскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта: смотритель Николаевскаго духовнаго училища священникъ Іоаннъ Майерановъ и протоіерей Воскресенскаго женскаго монастыря Александръ Кубаревъ. 30) По Новоузенскому Свято-Троицкому женскому монастырю: священники того же монастыря Левъ Саблинъ и Новоузенскаго собора Веніаминъ Никифоровъ. 31) По

Новоузенскому отдѣленію Самарскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта: протоіерей села Малаго Узеня Алексѣй Серебряковъ и священникъ Новоузенскаго собора Веніаминъ Никифоровъ. При этомъ Его Преосвященство изволилъ предложить Консistorіи сдѣлать по сему зависящее распоряженіе, давъ знать вышеозначеннымъ учрежденіямъ, что бы они экономическіе отчеты за 1900 годъ, со всѣми къ нимъ приложеніями представили въ ревизіонные Комитеты не позднѣе марта мѣсяца сего года, а ревизіонные Комитеты, въ случаѣ не полученія ими отчетовъ въ назначенный срокъ, не замедлили донести о семъ до свѣдѣнія Его Преосвященства; обревизованные же отчеты представили Его Преосвященству не позднѣе первыхъ чиселъ октября сего года, исключая отчета по епархіальному свѣчному заводу, каковой долженъ быть провѣренъ и представленъ Его Преосвященству ревизіоннымъ Комитетомъ не позднѣе послѣднихъ чиселъ апрѣля на тотъ предметъ, чтобы Комитетъ свѣчного завода имѣлъ возможность ко времени епархіальнаго Съѣзда, назначаемаго обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ, отпечатать этотъ отчетъ. Приказали: Предложеніе Его Преосвященства напечатать въ ближайшемъ № Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, къ точному исполненію со стороны упоминаемыхъ въ ономъ лицъ и учрежденій.

О провѣркѣ познаній по Закону Божію дьяконовъ и псаломщиковъ епархіи.

Выписка изъ журнальнаго постановленія Самарской Духовной Консistorіи, состоявшагося 8 февраля 1901 года, утвержденнаго Его Преосвященствомъ того же числа, по поводу изданной брошюры заштатнымъ протоіереемъ Востоковымъ „Бесѣды законоучителя въ сельской школѣ и въ храмѣ Божіемъ“.

С л у ш а л и: Архипастырскую резолюцію отъ 22 декабря 1900 г. на журналѣ Консistorіи отъ 21 того же декабря таковую: „Поставить въ обязанность дьяконамъ и псаломщикамъ епархіи имѣть эти „Бесѣды“ настольною книгою... Благочинные, согласно инструкціи, обязаны ежегодно провѣрять религіозное сознание ввѣреннаго ихъ наблюденію окружныхъ членовъ духовен-

ства, чего они, какъ мнѣ извѣстно, не исполняютъ и это имъ недѣлаетъ чести. Пусть же они это исполняютъ добросовѣстно, проявляя знанія по вѣрѣ и благочестію дьяконовъ и псаломщиковъ подъ руководствомъ „Бесѣдъ“... о. протоіерея Востокова“... Приказали:... привести въ исполненіе архипастырскую резолюцію относительно вмѣненія въ обязанность діаконамъ и псаломщикамъ епархіи имѣть „Бесѣды“ прот. Н. Востокова настольною книгою, чрезъ напечатаніе о томъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, предоставивъ духовенству епархіи исполнять означенное требованіе при посредствѣ тѣхъ экземпляровъ изданія, какіе имѣются при каждой церкви, — и въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и особой брошюрою, и тѣхъ 200 или 250 экз. Консисторскаго изданія, какіе остались на рукахъ о. прот. Востокова и въ складѣ Алексіевскаго Братства.

Взысканіе за неоплату документа гербовымъ сборомъ.

1901 года, февраля 6 дня, Самарская Духовная Консисторія с л у ш а л и: Отношеніе Самарской Казенной Палаты отъ 10—11 минувшаго января за № 413, коимъ на распоряженіе Консисторіи увѣдомила, что крестьянинъ села Чувичей, Николаевскаго уѣзда, Василій Евдокимовъ Воронцовъ, въ числѣ другихъ документовъ, на предметъ причисленія къ его семейству воспитанника Андрея Филиппова Колосова, представилъ удостовѣреніе за № 1, при семъ прилагаемое, выданное причтомъ села Чувичей, неоплаченное гербовымъ сборомъ, вопреки 3 п. 8 ст. Уст. о герб. сборѣ изд. 1893 года. На запросъ Самарской Духовной Консисторіи, обращенный къ причту села Чувичей въ указѣ ея отъ 16 того же января за № 704, о причинѣ неисполненія причтомъ распоряженія Епархіальнаго Начальства, напечатаннаго въ № 4 Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1898 годъ, священникъ села Чувичей Димитрій Бѣлозеровъ рапортомъ отъ 28 января за № 7 донесъ, что гербовый сборъ съ крестьянина Воронцова не взысканъ, по его забывчивости. Приказали: Согласно распоряженію, напечатанному на стр. 573 т. 1 Сборника и въ № Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1898 годъ,

взыскать съ виновнаго а) гербовый сборъ въ размѣрѣ 80 коп. и в) штрафъ въ пользу Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія въ размѣрѣ 5 рублей, о чемъ и напечатать въ Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, въ предупрежденіе подобной же забывчивости со стороны другихъ настоятелей приходоѡ.

О недозволеніи уносить съ подсвѣчниковъ въ церкви остающихся не возженными свѣчь.

Самарская Духовная Консисторія слушала: резолюцію Его Преосвященства, отъ 16 февраля сего 1901 года, таковую: „Перепродажа свѣчь, остающихся на подсвѣчникахъ не возженными, находится, кажется, во всеобщемъ употребленіи по епархіи... Мнѣ самому, въ разъѣздахъ по епархіи, много разъ приходилось видѣть, какъ старосты и ихъ помощники подбирали съ подсвѣчниковъ не возженные свѣчи и уносили ихъ обратно къ себѣ, не съ тѣмъ, чтобы мелкія свѣчи замѣнить, по расчету, крупными, въ цѣляхъ экономическихъ, потому, что послѣдняго не замѣчалось мною, а чтобы разложить ихъ снова для продажи. Между тѣмъ это — зло для епархіальнаго свѣчного завода... А потому надо это зло всячески преслѣдовать... что и поставить въ обязанность благочиннымъ епархіи, при содѣйствіи настоятелей церквей“. Приказали: О состоявшейся резолюціи Его Преосвященства напечатать въ Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, къ свѣдѣнію и исполненію духовенства епархіи.

О бесѣдахъ съ начетчинами.

Отъ Самарской Духовной Консисторіи сообщается слѣдующее постановленіе Самарскаго епархіальнаго начальства: „Въ силу архипастырской резолюціи отъ 17 февраля сего года, дается знать духовенству епархіи, чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, что если раскольники желаютъ вызвать своего начетчика для бесѣды съ православными, то, прежде всего, приходскій священникъ, — или непосредственно или чрезъ окружнаго миссіонера, — долженъ снестись съ епархіальнымъ миссіонеромъ и по (соглаше-

нію только съ нимъ можетъ быть назначаемо время для бесѣдъ. Вообще же желательно, чтобы бесѣды съ выдающимися начетчиками не производились безъ приглашенія епархіального миссіонера“.

О точности отмѣтокъ объ исполненіи и неисполненіи долга исповѣди и причащенія.

Самарская Духовная Консисторія, 22 сего февраля, опредѣлили: „Рекомендовать духовенству епархіи, безъ всякаго опасенія какой-либо отвѣтственности, отмѣчать число исполнившихъ и неисполнившихъ христіанскій долгъ исповѣди и причащенія въ полномъ согласіи съ дѣйствительностію, показавъ и по вѣдомости, въ графѣ, сколько лѣтъ продолжается уклоненіе отъ церкви, — согласно съ дѣйствительностію, а не съ вѣдомостями за предшествующіе годы.

ИЗВѢЩЕНІЕ

отъ Педагогическаго Совѣта Миссіонерскихъ курсовъ въ Казани.

Педагогическій Совѣтъ Миссіонерскихъ курсовъ симъ извѣщаетъ лицъ, желающихъ поступить на курсы, что:

1) пріемъ прошеній, подаваемыхъ на имя Преосвященнаго предсѣдателя Педагогическаго Совѣта, для поступленія на курсы начинается съ 1 мая и продолжается до 15 августа;

2) на курсы принимаются лица со среднимъ образованіемъ или окончившіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ; не имѣющіе же аттестата или свидѣтельства средне-учебныхъ заведеній принимаются на курсы только въ томъ случаѣ, если они — священнослужители или манатейные монахи и лишь по выдержаніи ими повѣрочнаго испытанія (§ 7 устава);

примѣчаніе: окончившіе курсъ Бійскаго Миссіонерскаго Катихизаторскаго училища могутъ быть допускаемы до повѣрочнаго испытанія и въ томъ случаѣ, если они и не имѣютъ священнаго сана;

3) при прошеніяхъ должны быть непременно представляемы

просителями: а) аттестатъ или свидѣтельство учебнаго заведенія, въ которомъ проситель окончилъ курсъ, б) метрическое свидѣтельство и в) документъ объ исполненіи воинской повинности;

примѣчаніе: лица, неотбывшія еще воинской повинности, на курсы принимаемы не будутъ въ виду того, что курсы, впредь до утвержденія XIII главы устава и особаго положенія о правахъ и преимуществахъ учащихъ и учащихся на нихъ, не освобождаютъ слушателей отъ исполненія воинской повинности;

4) вольнослушатели за тѣсною классныхъ помѣщеній совсѣмъ не будутъ принимаемы на курсы;

5) для лицъ, имѣющихъ экзаменоваться для поступленія на курсы, экзамены будутъ произведены: письменный по свящ. исторіи 18 августа и устные по остальнымъ предметамъ 20 и 21 августа текущаго года.

МАРШРУТЪ

составленный съ благословенія и утвержденія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Гурія, Епископа Самарскаго и Ставропольскаго, — для хожденія съ чудотворною иконою Богородицы, именуемой „Взысканіе погибшихъ“, находящеюся въ Свято-Троицкомъ Раковскомъ женскомъ монастырѣ, Самарскаго уѣзда, по селамъ и деревнямъ, для служенія молебновъ въ домахъ жителей, желающихъ принять сію святыню, — игуменію Раковскаго Свято-Троицкаго монастыря Софіею; хожденіе имѣетъ быть съ 23 апрѣля мѣсяца по мѣсяць октябрь сего 1901 года.

Наименованіе уѣздовъ, селъ и деревень, въ которыя будетъ шествовать святая икона.

Самарскій уѣздъ.

1	Кротовка.
2	Городъ Самара.

3	Воскресенское.
4	Липяги Мордовскіе (Таборы).
5	Горки.
6	Титовка.
7	Томылово (Глушица).
8	Покровское.
9	Толстовка.
10	Ивановка (Никольское).
11	Екатериновка.
12	Васильевка.
13	Владиміровка.
14	Кануевка.
15	Александровка (Луговая).
16	Преполовенка (Мыльное).
17	Новые Костычи (Обшаровка).
18	Кашпирово.
19	Спасское.
20	Васильевка.
21	Аннино.
22	Софьино.
23	Абашево.

Николаевскій уѣздъ

24	Березовая Лука.
25	Теликовка.
26	Отрадное.
27	Духовницкое.

28	Быковъ Острогъ.	Пятёрской
29	Красный Яръ.	Покровской
30	Маянга.	Ровневской
Новоузенскій уѣздъ.		
31	Генеральское.	Саратовской
32	Анисковъ Хуторъ.	Хворостинской
33	Шумейкино.	Хворостинской
34	Покровская Слобода.	Ремешинской

Отъ Комитета Самарскаго Епархіального свѣчного завода.

Въ Комитетъ Самарскаго Епархіального свѣчного завода въ теченіи декабря мѣсяца сего 1900 г. поступило записанныхъ на приходъ по кассовой книгѣ Комитета за декабрь мѣсяць отъ продажи свѣчь, ладона, масла и экономическаго угля отъ смотрителей свѣчныхъ лавочекъ и приказчика Троицкой часовни:

Руб. Коп.

Отъ приказчика Сам. Троицкой часовни Н. Кондратьева 10741 24

Отъ смотрителей свѣчныхъ лавочекъ:

Алексѣевской	діакона	Е. Поликушина.	571	06
Балаковской	священника	В. Виноградова.	1750	96
Больше-Глушицкой	протоіерея	К. Разумовскаго	1095	88
Борской	священника	С. Николаевскаго	1454	24
Бугурусланской	протоіерея	Д. Муромцева	2038	—
Бузудукской	священника	Б. Пиксанова	2291	35
Дергачевской	„	Г. Кряжимскаго	600	—
Духовницкой	„	Д. Петропавловскаго	1500	—
Кинель-Черкасской	„	К. Изнаирскаго	700	—
Кошкинской	„	З. Георгіевскаго	727	12
Матвѣевской	протоіерея	Н. Самуилова	1400	80
Мелекесской	священника	П. Высокова	1700	—
Николаевской	„	В. Парадоксова	3614	81

Пестравской	„	Н. Никольскаго	900	—
Питерской	„	С. Архангельскаго	1300	—
Покровской	„	Г. Разумовскаго	1400	—
Ровненской	„	А. Модестова	352	35
Сергіевской	„	Д. Панормова	300	—
Сорочинской	„	П. Архангельскаго	1700	—
Ставропольской	„	І. Дивногорскаго	918	3
Старо-Майнской	„	К. Аргентова	645	—
Хворостянской	„	Ө. Кильдюшевскаго	350	—
Хрящевской	„	А. Парадоксова	500	—
Черемшанской	„	Г. Спиридонова	100	—
Итого			39655	9

Отъ благочиннаго V окр. Николаевскаго уѣзда
священника М. Ливанова 81 65

О В Ъ Я В Л Е Н І Е .

ИЗЪ С О В Ъ Т А

С а м а р с к а г о А л е к с і е в с к а г о Б р а т с т в а

можно выписывать изданную Братствомъ книгу: Просвѣ-
титель инородцевъ Казанскаго края Николай Ивановичъ
Ильминскій, составленную Н. А. Спасскимъ.

Цѣна книги 1 руб. съ пересылкою.

О т ъ С о в ѣ т а Б р а т с т в а

объявляется о томъ, что 18-го марта имѣетъ
быть общее годовичное собраніе. Начало въ
1 часъ по-полудни.

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪ ДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ тридцать пятый.

№ 6-й. 15-го марта 1901 года. № 6-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою четыре рубля.

Часть неофициальная.

С Л О В О

въ день преставленія святителя Алексія, митрополита всея
Россіи, Московскаго чудотворца.

*„Дивни твоя цвѣты добродѣ-
телей Алексіе; яко маслина пло-
довита въ дому Божіи, свѣтло
возшелъ еси въ небесныя обители,
идѣже воздадеся тебѣ вънеуъ, за
трудъ воздаянія. (Служба свят.
Алексія. 2-я стих. на Господи воззв.).*

Святая церковь созвала нынѣ насъ въ этотъ храмъ, чтобы въ общей молитвѣ, въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ, прославить подвиги и добродѣтели святителя Христова и великаго чудотворца Алексія, — нашего покровителя и молитвенника, — стяжавшаго по преставленіи своемъ отъ земли славу въ небесныхъ обителяхъ.

Велики и разнообразны были подвиги и добродѣтели прославляемаго нами нынѣ святителя!

Святительскіе труды св. Алексія протекали въ то трудное время, когда надъ русской землей тяготѣло иго татарщины, нарушившей правильное теченіе русской общественной и церковной жизни и причинявшей русскимъ людямъ скорби и бѣдствія. Св. Алексію, поэтому выпалъ жребій послужить не только русской церкви и ввѣренной ему Богомъ паствы, но и дѣлу умиротворенія, устроенія и спасенія русскаго государства. И вотъ на этомъ-то трудномъ поприщѣ св. Алексій обнаружилъ неусыпную дѣятельность, раскрывая по истинѣ дивныя цвѣты добродѣтелей и являясь плодovитой маслиной въ дому Божиѣмъ.

Св. Алексій жилъ жизнью своего русскаго народа, его мыслями и чувствами, раздѣляя съ нимъ его бѣдствія и скорби, и, потому, какъ только получилъ поставленіе въ митрополита русской церкви, онъ старается и словомъ и дѣломъ содѣйствовать облегченію скорбей и бѣдствій народа и поднять его упавшій духъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пользуется этими народными бѣдствіями, чтобы поднять его вѣру и нравственность и вкоренить въ сердцахъ людскихъ, что въ уклоненіи отъ истиннаго благочестія коренится причина бѣдствій народныхъ, а въ сознаніи грѣховъ и покаяніи — избавленіе. „Чесо ради, писалъ св. Алексій въ своемъ окружномъ посланіи, бываютъ казни, или рати, или гладове, и морове, или запаленія (пожары)? Вся та бываютъ ради нашего прегрѣшенія предъ Богомъ“... Въ то время монастыри были главными школами и разсадниками боговѣднія и благочестія, и вотъ св. Алексій, чтобы поднять вѣру и нравственность русскаго народа, содѣйствуетъ устройству цѣлой сѣти общежительныхъ монастырей какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Руси, особенно же въ сѣверной ея части.

Онъ былъ великимъ труженикомъ какъ въ служеніи святому дѣлу христіанскаго просвѣщенія русскаго народа и благоустроенія русской церкви, такъ и дѣлу устроенія и спасенія государства. Въ дѣлахъ государственныхъ въ великомъ дѣлѣ собиранія русской земли вокругъ Москвы, св. Алексій былъ неоцѣнимымъ совѣтникомъ, руководителемъ и помощникомъ Московскихъ князей: онъ помогаль имъ упрочить за собой великокняжескій престоль, под-

чинить себѣ соперничествовавшихъ съ ними другихъ удѣльныхъ князей и проводить начало единой державы, мирить враждовавшихъ между собой князей, а предъ грозными ханами татарскими былъ ихъ ходатаемъ и покровителемъ. Въ первые десять лѣтъ своего святительства онъ неоднократно предпринималъ трудныя поѣздки въ орду къ ханамъ и, съ помощію Божіей, испрашивалъ милости своимъ Московскимъ князьямъ, а иногда и спасалъ всю русскую землю отъ ханскаго гнѣва и разоренія. Такъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ, св. Алексій исцѣлилъ отъ слѣпоты ханшу Тайдулу, а въ другую, при помощи этой послѣдней, утолилъ ярость ея сына, хана Бердибека, грозившаго разорить русскую землю.

Таковыя труды и подвиги св. Алексія совершаемы были имъ во время святительскаго его служенія на благо церкви и отечества.

И нельзя не видѣть, что во всѣхъ этихъ его дѣлахъ яркимъ свѣтильникомъ свѣтитъ его твердая и непоколебимая вѣра и любовь — любовь до самоотверженія — къ Богу и ближнимъ. Да, братіе христіане: что, какъ не вѣра и любовь къ Богу заставили св. Алексія оставить съ малыхъ лѣтъ богатый родительскій домъ и всѣ прелести земнаго міра и всецѣло посвятить себя Богу? Что, какъ не эта же твердая вѣра и самоотверженная любовь къ своему отечеству и російской паствѣ дали ему смѣлость ѣхать въ Золотую Орду, на призывъ хана исцѣлить отъ неизлѣчимой болѣзни его царицу, или въ другое время — укротить гнѣвъ грознаго хана Бердибека, собиравшагося разорить русскую землю? Любовь св. Алексія къ ближнимъ не имѣла ограниченій: она простиралась не только на христіанъ своего отечества, но и на отдаленныхъ восточныхъ христіанъ, которые въ это время переживали не менѣе тяжелое, чѣмъ татарское иго, плѣнъ турокъ... Не смотря на домашнія невзгоды, онъ посылалъ имъ щедрыя милостыни, такъ что послѣдствіемъ этого было то, что эти дальніе единовѣрцы смѣлѣе и чаще стали прибѣгать къ матеріальной помощи Россіи. Св. Алексій, какъ воспѣваетъ церковь, былъ безпомощнымъ помощникъ, обидимымъ заступникъ, печальнымъ — утѣшеніе радостное, молебникъ теплый всѣмъ скорбящимъ (стих. 1 на Госп. воззв.).

Какой высокої образецъ вѣры и жизни т. о. даетъ намъ празднуемый нами святитель! Но подражаемъ ли мы ему? Такъ ли наша вѣра вкореняется въ нашихъ сердцахъ и выражается на дѣлѣ, во всѣхъ условіяхъ нашей семейной и общественной жизни? Не идетъ ли жизнь наша вразрѣзъ съ вѣрою? Къ при- скорбію — весьма часто. Когда отецъ семейства, воспитывая своихъ дѣтей, имѣетъ при этомъ въ виду однѣ цѣли мірскія, — обогащая земными знаніями, не вселяетъ въ нихъ ни страха Божія, ни повиновенія св. церкви, и самъ въ глазахъ ихъ нарушаетъ за- повѣди евангельскія и церковныя, — когда, желая сдѣлать ихъ по- лезными слугами отечества земного, не хочетъ и не старается въ то же время сдѣлать ихъ служителями Христовыми — гражданами отечества небеснаго, — по вѣрѣ ли, по духу ли вѣры поступаетъ онъ въ семъ случаѣ? Когда мать желаетъ, чтобы дочь ея бли- стала въ обществѣ красотою, умомъ, богатыми нарядами, знаніемъ свѣтскихъ приличій, но вовсе не думаетъ и не внушаетъ ей о необходимости украшать себя качествами христіанскими — скромно- стію, благоправіемъ, любовію, чистотою, — что въ ея поступкахъ есть христіанскаго? А между тѣхъ сколько есть такихъ отцовъ и матерей! Когда братъ не хочетъ помочь своему брату, когда тѣснить его, отвращаетъ взоръ свой отъ него, не трогаясь ни его одиночествомъ, ни бѣдностію, ни болѣзнію, заботясь только о спокойствіи собственномъ, — что въ подобномъ поступкѣ есть го- ворящее о его вѣрѣ?

Когда ремесленникъ заботится только о томъ, чтобы дороже взять за свое дѣло, но не о томъ, чтобы добросовѣстно выпол- нить его, когда польза другихъ для него дѣло чужое; — когда торговецъ заботится единственно о своихъ выгодахъ, забывая о выгодахъ тѣхъ, съ которыми имѣетъ дѣло; когда для собствен- ныхъ интересовъ, за плату, за деньги готовы на всѣ жертвы, а безкорыстно для блага ближнихъ, для Господа не хотятъ шага ступить — во всемъ этомъ будетъ ли проглядывать хотя малая вѣра? Равнымъ образомъ когда въ праздничный день, вмѣсто посѣщенія храма, съ жадностію предаются увеселеніямъ, часто и нескромнымъ, и шумнымъ. предаются разнаго рода невоздержанію, или, какъ

это нынѣ водится, даже канунъ праздниковъ не боятся проводить въ увеселеніяхъ — во всемъ этомъ гдѣ вѣра? Гдѣ жизнь по вѣрѣ? Нѣтъ, это жизнь не по вѣрѣ, а по своимъ прихотямъ. А между тѣмъ какъ часто это встрѣчается! Какъ часто нынѣ все христіанство многихъ изъ христіанъ, вся ихъ вѣра заключается только въ званіи христіанина, отличающемъ отъ другихъ иновѣрцевъ только ношеніемъ креста на груди, только крестнымъ знаменіемъ, изрѣдка, и то безъ благоговѣнія, изображаемымъ, — а жизни чистой и святой, правилъ жизни строгихъ и высокихъ, честности, смиренія, любви, цѣломудрія — всего этого не ищите и не требуйте. У нѣкоторыхъ же мало остается и, внѣшнихъ знаковъ ихъ принадлежности къ церкви: въ храмы не ходятъ, дома, особенно предъ принятіемъ пищи, не молятся, — „стыдно, не принято“, говорятъ, „крестъ нужно въ сердцѣ носить“ и т. д.

Братіе христіане! Будемъ хранить въ умѣ и сердцѣ образъ истинной спасающей вѣры и жизни нашего покровителя и молитвенника, св. Алексія, — и не столько для прославленія его, сколько для руководства въ своей жизни, чѣмъ мы особенно ублажимъ память святителя. Къ тому же и самъ онъ, св. Алексій, взываетъ въ своемъ посланіи ко всей російской паствѣ: „Бога ради, дѣти мои, старайтесь угождать Богу добрыми дѣлами и спасти души свои, утолять гнѣвъ Божій и приближаться къ Богу“. Аминь.

Священникъ Успенской церкви г. Самары *Алексій Орловъ*.

ПОУЧЕНІЕ

на братской вечернѣ 14 января 1901 г.

О СМиреніи.

Ваше благочестивое вниманіе хотѣлось бы въ настоящей разъ обратить на одно обстоятельство чрезвычайной важности, на отношеніе современнаго христіанскаго общества къ одной изъ важнѣйшихъ и основныхъ добродѣтелей христіанскихъ, — смиренію.

Было время, когда жизни и добродѣтелямъ христіанъ дивил-ся міръ: христіане въ своей жизни показали міру такіа добродѣ-

тели, которыя по своей духовной высотѣ были даже непонятны ему. Такъ, древній (классическій) міръ рѣшительно не зналъ, что такое смиреніе; онъ даже не имѣлъ въ своемъ языкѣ слова для обозначенія этого понятія! Нужно было самому Богу низойти на землю съ проповѣдью и явить Собою, въ Своей Богочеловѣческой личности живое воплощеніе смиренія, чтобы люди узнали эту добродѣтель и поняли, что въ ней только можно найти успокоеніе душѣ, изстрадавшейся отъ самолюбія гордости. Нужно было особенное благодатное отъ Духа Св. воздѣйствіе, чтобы къ людямъ вѣрующимъ во Христа привилась эта добродѣтель. И, слава Богу! мы видимъ, что смиреніе привилось къ людямъ, и дало свои обычные плоды. Многочисленные сонмы подвижниковъ, и мучениковъ доказали во-очію челоуѣчеству, что за великая нравственная сила христіанское смиреніе.

Но, прошли вѣка,—и вотъ мы являемся живыми свидѣтелями того прискорбнаго явленія, что міръ снова начинаетъ не понимать завѣта Христова быть „кроткими и смиренными сердцемъ“; современному челоуѣчеству дѣлается все болѣе и болѣе чуждой добродѣтель, она забывается имъ. Мало того, самолюбіе и гордость теперь ставятся въ основу жизни цѣлыми массами людей! Теперь часто челоуѣкъ безъ самолюбія возбуждаетъ презрѣніе къ себѣ, какъ не цѣнящій самого себя, своего достоинства. „Гдѣ теперь, спрашиваетъ одинъ изъ защитниковъ христіанства, на западѣ (Вейсъ), мы могли бы отыскать философа или ученаго, который вздумалъ-бы сказать хоть одно слово въ защиту смиренія“? Напротивъ, теперь сплошь и рядомъ можно встрѣтиться съ такими людьми, которые говорятъ, что „смиреніе противорѣчитъ разуму“, что это добродѣтель не людей, а животных“, — а самый модный и популярный въ настоящее время писатель (Ницше) называетъ смиреніе не добродѣтелью, а растратой добродѣтели! Да и въ жизни современнаго христіанскаго общества часто ли мы встрѣчаемся съ проявленіями истиннаго, нелицемѣрнаго смиренія? Писано-ли, напр., смиреніе для злата, для капитала, который теперь особенно надменно увѣренъ въ томъ, что купить можно все, что въ золотѣ заключены всѣ блага и права, что только капиталъ

долженъ быть направителемъ и двигателемъ общественной жизни? А большинство людей, хотя и понимаетъ, что нужно быть осторожнымъ, не довѣрятъ себѣ безъ мѣры и не смотрѣтъ на себя черезчуръ высоко, — развѣ не принимаетъ часто смиреніе ради выгоды, а не по Христу, и потому оставляетъ отъ смиренія одну только видимость, но не имѣетъ въ душѣ той силы, которая свойственна смиренію?

Но что такое смиреніе? въ чемъ состоитъ та нравственная сила, какую сообщаетъ оно „кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ“? Смиреніе — это такое настроеніе нашего духа, когда человѣкъ живо сознавая, что онъ ничего своего не имѣетъ и ничего не можетъ сдѣлать безъ помощи Божіей, постоянно помнить, что надъ нимъ есть безконечно-высшая сила — Богъ, что безъ поддержки этой таинственной Силы онъ не можетъ быть безопасенъ ни на одну минуту своей жизни. „Что ты имѣешь такого, спрашиваетъ ап. Павелъ, чего не получилъ-бы отъ Бога? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ, а самъ досталъ“? Если смиренный сознаетъ свое отношеніе къ Творцу и Промыслителю, если ему постоянно видна собственная нищета духовная, если онъ постоянно чувствуетъ слабость своей воли въ борьбѣ съ грѣхомъ, — то онъ дѣйствительно можетъ возвышаться нравственно; въ немъ есть залогъ развитія истинно-христіанскаго духа, въ немъ готова почва для произрастанія на ней остальныхъ христіанскихъ добродѣтелей. „Смиреніе, по словамъ Василія Великаго, сокровище-хранительница добродѣтелей“. Проникнутый истиннымъ смиренномудріемъ христіанинъ не подвергается опасности нравственнаго паденія: „да и куда ему пасть“, — спрашиваетъ преподобный Макарій Египетскій, „когда онъ ниже всѣхъ“? При отсутствіи же смиренія нравственное паденіе неизбежно, ибо начало, причина всякаго грѣха — гордость; она легко можетъ „исхитить изъ рукъ нашихъ, какъ говоритъ блаж. Августинъ, всѣ плоды добрыхъ дѣлъ, если смиреніе не будетъ предварять ихъ, сопровождать ихъ и слѣдовать за ними“. А гордость легко можетъ замѣнить собою смиреніе, разъ человѣкъ не блюдетъ за собою и не заботится о сохраненіи и укрѣпленіи соотвѣтствующаго настрое-

нія (св. Василій Великій). Истинное смиреніе, — это корень, — основа нравственной жизни! Нравственная жизнь въ христіанствѣ невозможна безъ таинственной благодатной помощи, а благодать по слову Божію, дается только смиреннымъ. Можетъ-ли быть истинной и благотворной самая вѣра безъ смиренія, безъ котораго, по слову апостола, невозможно усвоить и самую вѣру въ „тайну нашего спасенія? Можетъ-ли надежда на Бога безъ смиренія быть истинно-христіанскою? Развѣ она не должна ослабнуть, развѣ въ человѣкѣ появится самомнѣніе и самонадѣянность? Возможна-ли, наконецъ, истинная любовь къ Богу и ближнему въ томъ, кто занятъ только собою и выше всего ставитъ свое собственное „я“?

Не забудемъ того, что всѣ обѣтованія небеснаго блаженства Спаситель обращаетъ къ смиреннымъ (Матѣ. 5, 4—13); смиренныхъ въ лицѣ мытаря, сотника, самарянина, жены хананеянки, Онъ представляетъ въ примѣръ вѣры, любви и молитвы и Самъ собственнымъ примѣромъ освятилъ эту добродѣтель, смиривъ себя „даже до смерти“.

А какъ смиренны были ближайшіе послѣдователи Господа — апостолы! Ап. Павелъ, напр., не смотря на то, что болѣе другихъ апостоловъ потрудился для царства Божія, объявляетъ себя недостойнымъ изъ недостойныхъ, грѣшникомъ изъ грѣшниковъ, и это дѣлаетъ по глубокой увѣренности, исходившей изъ добраго смиренія.

Чѣмъ далѣе, въ „побѣдили міръ“ сотни и тысячи христіанскихъ мучениковъ за вѣру, какъ не смиреніемъ? А гонимымъ такъ легко, такъ естественно было поддаться соблазну воздаянія зломъ за зло! Но они воспитали въ себѣ смиреніе Христа, молившагося за осудившихъ и распявшихъ Его! Поэтому-то мученики христіанскіе нигдѣ — ни въ одномъ уголкѣ вселенной и никогда во все время трехсотлѣтнихъ гоненій не позволили себѣ проявленія какой-либо, хотя-бы самой малѣйшей, злости за преслѣдованія!

Но, братіе, какъ ни высока добродѣтель смиренія, какъ ни необходима она намъ для правильнаго развитія и совершенствованія нашей внутренней духовной жизни, — ни въ какомъ случаѣ

не надо забывать и того, что это, — по свидетельству св. отцовъ и подвижниковъ, опытныхъ въ духовной жизни, — труднѣйшая изъ добродѣтелей; создать, развить и укрѣпить въ себѣ истинно христіанскую настроенность — смиреніе крайне не легко; для иныхъ натуръ — это нравственный подвигъ цѣлой жизни! Всякій изъ насъ по собственному опыту знаетъ, съ какою легкостью и какъ незамѣтно для самихъ себя мы способны *преувеличивать* свои подвиги, свои совершенства, — какъ легко и скоро мы поддаемся искушенію цѣнить все свое выше, чѣмъ чужое! А разъ есть въ насъ этотъ недостатокъ, мы подвержены ежеминутной опасности — уклоненія съ пути смиренія. Вотъ почему никогда не слѣдуетъ забывать наставленія преп. Исаака Сирина, который говоритъ, что называть кого-либо смиреннымъ можно только съ крайней осторожностью, — иначе можно впасть въ большую ошибку. Ибо часто смиреніе — лишь притворная покорность, которой пользуются для того лишь, чтобы подчинить потомъ себѣ всѣхъ; часто это лишь коварство надменности, которая склоняется предъ людьми для того, чтобы подняться надъ ними; часто — это лишь переряженное лицемеріе и его, такъ сказать, — первая военная хитрость; и хотя формы, въ которыя облекается лицемеріе, почти безконечны, однако оно никогда не бываетъ столь поразительнымъ, какъ въ томъ случаѣ, когда оно скрывается въ одѣяніи смиренія: ибо тогда оно представляется предъ нами съ опущенными далу глазами, видъ его скромный и спокойный, рѣчи его вкрадчивы и почтительны, полны уваженія къ другимъ и презрѣнія къ самому себѣ. Но все это только повидимому! На самомъ дѣлѣ — это надменность, которая съ такимъ искусствомъ укрывается подъ личиной, что ее принимаютъ за смиреніе! Въ настоящее время, когда истинныхъ носителей духа смиренія особенно мало, — а всякаго рода поддѣлки подъ истинное христіанство умножаются все болѣе и болѣе, — завѣтъ преп. Исаака Сирина получаетъ особенную цѣнность и долженъ имѣть великое руководственное значеніе для всѣхъ насъ! — Нужно помнить, что желающій быть смиреннымъ, не долженъ, по словамъ Василія Вел., допускать никакихъ „излишествъ“, быть скромнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ, кротокъ, чело-

вѣколюбивъ, не памятозлюбивъ, долженъ прикрывать свои достоинства, а не кичиться ими (о, какая это рѣдкость въ наше время!).

Къ стыду нашему, въ древней Руси у нашихъ предковъ добродѣтель смиренія цѣнилась очень высоко, — они всегда прославляли доблести смиренія, понимали всю важность его, когда говорили, что смиреніе есть Богу угожденіе, уму просвѣщеніе, а сердцу — спасеніе!

Но какъ-бы ни измѣнялось отношеніе общества къ добродѣтели смиренія, какъ-бы ни глумились иногда надъ смиреніемъ, какими-бы позорными именами ни клеймили смиреніе, — оно навсегда останется основой, почвой истинно-христіанской нравственной жизни, такъ какъ тотъ, кто не смирилъ себя, не создалъ въ душѣ своей благотворной настроенности смиренія; не можетъ усвоить духомъ своимъ Господа, Іисуса Христа, который „кротокъ и смиренъ сердцемъ“. Церковь же Христова не пойдетъ на угоду людямъ и тѣмъ или другимъ теченіямъ въ области человѣческой мысли, и не измѣнитъ никогда ученія своего о смиреніи, какъ великой нравственной силѣ, благоустроющей и созидающей жизнь нашего духа.

Эти, только-что сейчасъ пѣтыя священныя пѣснопѣнія братской вечерни, церковь сохранила отъ глубокой древности, отъ времени апостольскихъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, и будетъ хранить до скончанія вѣковъ! Такъ и проповѣдь о смиреніи всегда будетъ раздаваться въ церкви, — не смотря ни на какія „переоцѣнки нравственности“, — до тѣхъ поръ, пока не придетъ Тотъ, Кто сказалъ навсегда людямъ: „научитесь отъ Мене, яко кротокъ и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ“. Аминь!

А. Б.

О ПРЕБЫВАНІИ СВ. ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ „ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХЪ“ ВЪ С. НАТАЛЬИНѢ НИКОЛАЕВСКАГО УѢЗДА *).

(Изъ рапорта на имя Его Преосвященства).

Осмѣливаюсь сообщить вамъ, Ваше Преосвященство, что принесеніе въ село Натальино чудотворнаго образа Богоматери „Взы-

*) Печатается по распоряженію Епарх. Начальства.

сканіе погибшихъ“ сопровождалось самыми добрыми послѣдствіями: храмъ во время богослуженій былъ полонъ молящимися, сколько пролито слезъ вѣрными овцами словеснаго стада Христова, да не только вѣрными, но и заблудшими! сколько вознесено вздоховъ изъ глубины сердца къ Богоматери, Взыскующей погибающихъ!

При хожденіи по домамъ съ молебнымъ пѣніемъ Богоматери, толпа народа со слезами на глазахъ и непрерывными вздохами и воплемъ къ Богоматери о помощи произвела сильное впечатлѣніе даже на самыхъ закоренѣлыхъ враговъ церкви Христовой-безпоповцевъ, двери сердець которыхъ отверзались одновременно съ дверями домовъ ихъ, для принятія чудотворной иконы Небесной Заступницы. Увѣщанія пастыря въ эти дни особенно близко принимались къ сердцу слушателями и, благодаря благодатному воздѣйствію Богоматери, Взыскующей погибающихъ, даже изъ заблуждавшихся овецъ нѣкоторые постепенно стали вразумляться: такъ 28 октября присоединился къ церкви Христовой крестьянинъ Павелъ Димитріевъ Разинъ—безпоповецъ, 29 октября присоединился къ церкви Христовой крестьянинъ Иванъ Тимоѣевъ Рябкинъ, 55 лѣтъ, со всѣми своими домочадцами: сыномъ Θεодоромъ 23 лѣтъ, его сожительницей Ириной Евдокимовой 24 лѣтъ,—сыномъ Іоанномъ 12 лѣтъ и внучкой Анной 5-ти лѣтъ—безпоповцы; въ тотъ же день присоединился крестьянинъ Вонифатій Еринъ, сынъ самыхъ ярыхъ враговъ церкви Христовой, которые въ настоящее время намѣрены тоже возсоединиться съ вѣрными сынами благодатнаго царства Христова; того же числа присоединена безпоповка крестьянка Густинія Морозова. 5 ноября назначено присоединеніе къ церкви Христовой семейству Разина Сергѣя и крестьянкамъ Анастасіи Михайловой Десятневой и Маріи Ивановой Кожевниковой, готовящимся къ имѣющему совершиться надъ ними таинству святѣйшаго муропомазанія“.

На рапортѣ священника Михаила Хераскова о всемъ вышеизложенномъ послѣдовала резолюція Его Преосвященства слѣдующаго содержанія:

„В. утѣшительно! Да благословитъ Господь и своею благодатію да утвердитъ въ истинной вѣрѣ и благо-

честіи обратившихся къ св. православной церкви по молитвенному предстательству Богоматери, взыскующей погибающихъ во тьмѣ суевѣрій и расколовъ“.

НА РОДИНѢ.

Я шель по тропинкѣ. Она пролежала
Засѣяннымъ полемъ, гдѣ ровной волной
Кормилица рожь колоски наклоняла,
И тихо шумѣла, и сладко шептала,
Когда вѣтерокъ пролеталъ полосой.

А вдоль по тропинкѣ стояли березы

И тоже о чемъ-то бесѣду вели...

Подъ шумъ ихъ въ очахъ появились слезы,

И любо мнѣ было, и сладкія грезы

Далеко — далеко меня унесли.

Мнѣ вспомнилось дѣтство: въ одной рубашонкѣ

По той же тропинкѣ бѣгу я бѣгомъ,

А слѣдомъ за мною несутся сестренки...

„Догонимъ! догонимъ!“ кричатъ онѣ звонко,

Но я укрываюсь отъ нихъ за кустомъ

И въ рожь заползаю тамъ, выбравъ минутку...

Сестренки по тропочкѣ ищутъ меня,

А я ни гу-гу, только слушаю чутко, —

И радостно какъ-то во ржи мнѣ и жутко...

О, дѣтство невинное, радость моя!

На этихъ поляхъ протекло ты привольно,

Какъ лѣтнее утро, какъ тихій ручей,

И здѣсь же — усталый, больной, недовольный —

Тебя я припомнилъ... И слезы невольно

На землю родную текутъ изъ очей.

* *

*

Не тотъ герой, кого природа

Ссудила властью и умомъ,

Кто губить тысячи народа

Въ огнѣ, на полѣ боевомъ;

Кто въ тишинѣ изобрѣтаетъ
Для пользы міра чудеса,
Или за тучами летаетъ,
Стремясь постигнуть небеса; —

А тотъ, кто въ бѣдное селенье
Къ народу темному идетъ,
Ему святое просвѣщенье
И слово Божіе несетъ;

Кто гдѣ-нибудь въ убогой школѣ,
Въ глуши лѣсовъ, среди полей,
Живетъ, забывъ о свѣтлой долѣ,
И учитъ грамотѣ дѣтей;

Кто, осудивъ всю прелесть вѣка,
Не возвращается къ ней вновь
И будитъ въ сердцѣ человѣка
Надежду, вѣру и любовь.

* * *

Тишина... Въ поляхъ не слышно звука,
Мирно спитъ убогое село...

Отчего же въ сердцѣ снова мука,
Отчего мнѣ грустно, тяжело?

Жизнь-ли мнѣ невзгодой погрозила?

Смерть-ли друга милаго взяла?

Иль пѣсня — радость измѣнила?

Иль въ тѣло немощь заползла?

Нѣтъ, — лихой невзгоды я не знаю,

Лучшій другъ мнѣ вѣренъ и со мной,

Какъ прежде, пѣсни я слагаю

И совсѣмъ я тѣломъ не больной.

Но душа скорбитъ, скорбитъ глубоко

Оттого, что грубою толпой

Оскорбленъ, поруганъ былъ жестоко

Идеаль мой чистый и святой;

Оттого, что вмѣсто одобренья

Встрѣтилъ я кругомъ, въ толпѣ людей,

Грубость зла, обиду, подозрѣнье,
Ложь и ядъ язвительныхъ рѣчей;

Оттого, что силы не хватаетъ
Съ этой грязью вѣчно воевать,
И душа невольно начинаетъ
Поддаваться, робѣть, уступать!

* *
*

Я житель деревни, — я знаю,
Какъ много тяжелыхъ невзгодъ,
Во мракѣ и злѣ пребывая,
Выносить нашъ бѣдный народъ;
Я знаю, какъ жаждетъ онъ страстно
Иной — посвѣтлѣе — судьбы,
Какъ падаетъ, гибнетъ напрасно
Ненужною жертвой борьбы...
Но мнѣ тяжело это знанье:
Какъ тяжкая рана, какъ гнетъ,
Оно мнѣ приноситъ страданье
И мира душѣ не даетъ;
Оно говоритъ мнѣ: „Ты много
Добра изъ науки узналъ,
Ты вѣришь съ понятіемъ въ Бога
И знаешь святой идеаль,
Ты къ жизни стремишься счастливой,
Свободной отъ горькихъ невзгодъ,
Въ которой все честно, правдиво, —
Иди же скорѣе въ народъ!
Иди и отдай ему силы,
Которыя носишь въ груди,
Развѣй этотъ сумракъ унылый.
Пусть будетъ онъ добрымъ и честнымъ,
И къ счастью народъ приведи, —
Пусть знаетъ и правду и свѣтъ,
И вѣруй, — во всей поднебесной
Возвышеннѣй жребія нѣтъ!

А. Державинъ.

Н А Ю Г Ъ.

ДНЕВНИКЪ ВОСПИТАННИКОВЪ САМАРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ

за время лѣтней экскурсіи 1900 года.

(О к о н ч а н і е).

Я Л Т А.

Въ Ялтѣ масса народу встрѣчаетъ нашъ пароходъ. Всѣ разряжены по послѣдней модѣ, такъ что наши будничные костюмы невольно заставляютъ насъ сжиматься и чувствовать себя нѣсколько неловко. „Зрители“ занимаютъ на молѣ „мѣста въ амфитеатрѣ“, а ближе къ пароходу помѣщаются дѣловые люди: лакеи изъ ресторановъ, носильщики, „мальчики для посылокъ“, извозчики. Всѣ они смотрятъ на вновь прибывшихъ пассажировъ хищнически, готовясь при первой возможности схватить и проглотить зазѣвавшихся. Хищническое настроеніе усиливается еще больше въ тотъ моментъ, когда поданы мостки, и пассажиры, подъ строгимъ присмотромъ полиціи и пароходской команды, начинаютъ спускаться съ верху чернаго морскаго чудовища на гранитную набережную. И хотя въ насъ всего менѣе было прибыли для людей корыстныхъ, однакожъ и нашей партіи они не оставили въ покоѣ. Двое представительныхъ господъ съ золотыми околышами бросились на насъ съ крикомъ, какъ на свою добычу, и начали наперерывъ другъ предъ другомъ предлагать намъ мебелированные комнаты

— „Садъ, фонтанъ, море... бесплатное купанье, роскошная купальня“, кричитъ намъ въ уши кривой зазыватель необычайно комической наружности.

— „У нихъ кутежи постоянно, беспокоить будутъ“, говоритъ его kollega и очевидно пріятель, почтительно снимая предъ нами фуражку и стараясь произносить слова такъ, чтобы не слыхалъ товарищъ. Товарищъ однакожъ, догадывается и снѣшить обозвать измѣнника нехорошимъ словомъ:

— „Ты полякъ, неправославный“...

— „А ты армянинъ“, отвѣчаетъ обиженный.

„Къ намъ пожалуйте“! слышатся голоса. „У нихъ простая гостинница, а у насъ благородная“. Въ сторонѣ раздается грубый окрикъ полицейскаго: „Обожди! Ызжай“!.. Суতোлка, щелканье парходской лебедки, шумъ колесъ, крикъ со всѣхъ сторонъ... Скорѣе бы вырваться изъ этого ада...

Идемъ за полякомъ. Полякъ все таки благонадежнѣе, чѣмъ армянинъ. Нѣсколько сажень отъ мола—и тишина, какъ въ деревнѣ. Провожатый приводитъ насъ въ гостинницу, гдѣ, встрѣчая по одежѣ, стараются насъ выпроводить поскорѣе. Внушительный по наружности татаринъ, слуга князей и графовъ, трагически ударя себя въ грудь, начинаетъ доказывать, что неудобно имъ насъ помѣстить. Дѣлать нечего. Идемъ въ сосѣдній ресторанъ. По дорогѣ полицейскій усердно „kozyряетъ“ сопровождающимъ насъ духовнымъ лицамъ. Во второй гостинницѣ — Grand Hotel — къ намъ болѣе внимательны,—очевидно народъ просвѣщенный и сочувствующій всякаго рода экскурсіямъ. Спѣшно нанимаемъ четыре номера, съ видами на море и повисшія надъ домами, утопущія въ зелени горы.

Едва только успѣли устроиться, какъ вдругъ о духовникъ куда то исчезъ и черезъ часъ возвратился съ извѣстіемъ, что онъ на всѣ трои сутки распредѣлилъ насъ по путешествіямъ въ окрестности Ялты и уже взялъ билеты для этихъ поѣздокъ въ Яхтъ клубъ. Усталые и измученные, не скажу, чтобы мы любезно встрѣтили его на этотъ разъ.

Вечеромъ, лишь только стемнѣло, отправились осматривать городъ. Рѣдкостная здѣсь по своей красотѣ морская набережная, особенно при вечернемъ освѣщеніи. По внѣшнему виду—это половина главной улицы. По одну сторону ея, лицомъ къ морю расположены дома и магазины, освѣщенные электричествомъ, по другую — широкій тротуаръ съ гранитнымъ барьеромъ по всему берегу. Море сердится и съ шумомъ разбиваетъ волны о сѣрый гранитъ. На всемъ длинномъ пространствѣ прилегающаго къ водѣ проспекта, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, свѣтятся зеленоватымъ свѣтомъ электрическіе огни фонарей; издали кажется,

будто они висятъ въ воздухѣ. Надъ моремъ и городомъ съ сѣверной стороны темнѣютъ очертанія горъ, а среди домовъ при лунномъ свѣтѣ блеститъ бѣлый соборъ своими золотыми главами. Море отражаетъ сполна эту волшебную картину. На восточномъ концѣ проспекта, на берегу стоитъ часовня. Масса огней передъ образами привѣтливо свѣтятъ въ ночной темнотѣ. Великое утѣшеніе испытываетъ усталый путникъ подъ кровомъ этого тихаго пристанища...

28 іюня. Отдавъ себя въ распоряженіе Горнаго клуба, мы совершенно потеряли свободу. Отъ длиннаго лѣтняго дня у насъ оставалось лишь раннее утро, да поздніе сумерки. Все остальное время должно быть посвящено разнаго рода „обозрѣніямъ“.

Въ первый день нашихъ продолжительныхъ путешествій встали очень рано, съ такимъ расчетомъ, чтобы успѣть выкупаться въ морѣ и дойти до зданія Яхтъ — клуба, гдѣ насъ должны ожидать другіе партнеры, принимающіе въ этотъ день участіе въ экскурсіи. Купанье вышло на скорую руку. Море сердитое; и небо хмурится. Надъ горами низко повисли облака. Солнца совсѣмъ не видно.

Въ условленный часъ и въ условленномъ мѣстѣ мы ожидали своихъ дилижансовъ. Пришлось простоять добрыхъ пол-часа, пока подали три линейки и размѣстились въ нихъ всѣ желавшіе ѣхать. Наконецъ трижды протрубилъ рогъ и къ нашимъ экипажамъ подошелъ высокій почтенный старикъ съ наставленіями о томъ, какъ себя вести и на что обратить вниманіе. Это начальникъ горнаго клуба. Вслѣдъ за нимъ пришелъ Хаджи, нашъ проводникъ, въ татарской шапкѣ и синей рубахѣ, подпоясанной зеленымъ поясомъ, и мы двинулись въ путь.

Черезъ десять минутъ мы были уже около конца главнаго проспекта Ялты, а еще черезъ полчаса или часъ по крутизнамъ поднялись на западные склоны горъ и, миновавъ знаменитые виноградники, „стучали въ ворота“ Ливадіи. Послѣ обычнаго доклада, насъ, участвовавшихъ въ экскурсіи, раздѣлили на двѣ партіи и одна за другою повели во дворецъ. Лакей, которому мы отданы были въ распоряженіе, не шелъ, а бѣжалъ съ нами по

комнатамъ Ливадійскаго дворца. Нужно было имѣть очень напряженную нервную систему и далеко недюжинную память, чтобы рассмотреть и запомнить здѣшнія достопримѣчательности. Въ двухъ — трехъ комнатахъ, наиболѣе связанныхъ съ историческими воспоминаніями, намъ удалось, впрочемъ, на полминуты задержать торопившагося слугу. Это были помѣщенія покойнаго Императора. Какая простая здѣсь всюду обстановка: письменный столъ, маленькій книжный шкафчикъ, диванъ, нѣсколько картинъ — вотъ и весь кабинетъ. Рядомъ съ нимъ комната, гдѣ онъ скончался. Та еще проще убрана: диванъ, пара креселъ, маленькій столикъ съ букетомъ цвѣтовъ, ширмы, комодъ и на стѣнѣ барометръ съ термометромъ. Въ углу небольшая, въ золоченой ризѣ, икона св. Александра Невскаго и передъ ней постоянно, день и ночь горитъ лампада. Обстановка сохранилась въ томъ же видѣ, какъ и при покойномъ Государѣ. Даже кресло, на которомъ онъ сидѣлъ послѣднія минуты жизни, стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, что и 20 октября 1894 г. Придя въ эту комнату, всѣ бывшіе въ нашей партіи осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ съ заупокойною молитвой о почившемъ Государѣ. Въ нѣсколько минутъ пережито и перечувствовано было нами множество дорогихъ воспоминаній.

Выйдя изъ дворца, ожидали, пока не кончитъ свой осмотръ вторая партія. Столпились на той самой площадкѣ, гдѣ дана была первая присяга на вѣрное подданство Государю Императору Николаю Александровичу.

Дальнѣйшій путь — въ Ореанду. Путь чрезвычайно живописный. Всюду зелень, цвѣты, по мѣстамъ виноградники. Цѣлый хоръ насѣкомыхъ наполняетъ воздухъ разнообразными звуками. Большую часть дороги приходится идти пѣшкомъ, такъ какъ почти всюду — подъемъ на отвѣсныя скалы, куда никакъ нельзя попасть въ экипажѣ. День не очень жаркій, но отъ усталости жажда страшная. Не пропускаемъ ни одного фонтана, ни одного источника. По счастью здѣсь у подножья почти каждой горы есть непременно ключъ, иногда даже въ самой живописной обстановкѣ. Вотъ, на примѣръ, вода бѣжитъ изъ подъ корня дерева, — старое дупло замѣняетъ бассейнъ. Въ другомъ мѣстѣ среди знойнаго лѣта

уцѣлѣлъ водопадъ, правда, жалкій но все же водопадъ. Тотъ и другой внимательно разсматриваемъ и пьемъ воду пригоршнями. Далѣе одна за другой посѣщаемъ двѣ горы съ неизвѣстными названіями. На одной изъ нихъ взобрались на самую вершину, здѣсь, гдѣ утверждена большая мачта, скалы испещрены надписями туристовъ. Кто то изъ участвовавшихъ въ экскурсіи замѣчаетъ, что для такихъ путешествій чужны не туфли, а сапоги на желѣзныхъ подметкахъ. При спускѣ съ горы, на нѣсколько минутъ входимъ въ церковь имѣнія Ореанда. И въ ней, также какъ всюду на югѣ, въ полной строгости выдержанъ Византійскій стиль. Желтыя стекла въ окнахъ повышаютъ настроеніе. Не успѣли спуститься, опять подъемъ, и опять ключъ. Какъ быстро сближаются у общаго источника доселѣ совершенно незнакомые между собою участники нашей экскурсіи. Люди важные и сановные забыли, вмѣстѣ съ молодежью, всѣ свои чины и знаки отличія. Представительный чиновникъ министерства финансовъ пьетъ ртомъ, случайный „предводитель“ нашей экскурсіи поворачиваетъ лицо навзничъ и вода вливается ему прямо въ ротъ. Остроты, смѣхъ, шутки... Еще крутой подъемъ, и мы на разстояніи сотенъ сажень надъ моремъ. На скалѣ — роскошная бесѣдка съ колоннами. Въ воздухѣ сушь, запахъ сѣна, смѣшаннаго съ какими то пряностями. Сидимъ здѣсь, отдыхаемъ и увѣковѣчиваемъ въ фотографіи свое пребываніе.

Отсюда путь опять въ гору, лѣсомъ на гору св. Креста и Ай—Никола. Цѣлая исторія вышла изъ за этой поѣздки. Участники нашей экскурсіи перессорились и половина изъ нихъ отправилась прямо въ Алупку—обѣдать. Болѣе же сильные, въ томъ числѣ и мы, рѣшились до конца испытать удовольствіе. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, въ полгорѣ сдѣлали „привалъ“, остановку около источника, украшеннаго каменной тумбой. Нѣкоторымъ такъ понравилась здѣшняя вода, что хотѣли бы взять ее въ платокъ и унести съ собою. Одинъ изъ нашей партіи впалъ въ отчаяніе: „здѣсь никогда не взойдешь на самую высокую гору,—замѣчаетъ онъ съ неудовольствіемъ,—взойдешь на высокую, а смотришь — еще выше есть“. Недалеко отъ ключа, среди лѣса,—поляны, так-

же, какъ на сѣверѣ. На одной изъ такихъ полянъ экипажъ останавливается, и мы идемъ кверху на гору, по тропинкѣ. Такой же видъ отсюда на море, что и на предыдущей горѣ, только выше еще. Камни нагромождены кучей, и среди нихъ утверждены крестъ со стаканчиками на случай иллюминаціи. Издали получается иллюзія, что достаточно вступить на одинъ изъ этихъ камней, какъ всѣ они разсыплются и полетятъ, вмѣстѣ съ вами, внизъ, по направленію къ морю.

Едва успѣли мы взобраться кверху и, по-русскому обычаю, свѣсивши ноги, посмотрѣть вдаль, какъ одинъ за другимъ раздались сигнальныя завыванія мѣднаго рожка, призывающаго насъ къ экипажу. Дѣлать нечего: спѣшимъ, какъ можемъ. Выходить, что въ сегодняшней нашей прогулкѣ нѣтъ никакой эстетики, а сплошь одна „физиологія“: бѣгаемъ, какъ угорѣлые, съ горы въ гору, на сотни сажень кверху и внизъ и едва только успѣемъ вбѣжать на одну гору, зовутъ насъ на другую, съ другой на третью и т. д. Отъ горы св. Креста ѣдемъ къ Ай—Никола. Дорога также лѣсомъ. Воздухъ здоровый, смолистый. По сторонамъ пути мѣстами свѣсились камни и корни деревьевъ. Въ одномъ мѣстѣ, на горномъ обрывѣ подъ каштаномъ, мужики устроили обѣдъ, разложивши на землю одежду... Гора Ай—Никола не представляетъ собою ничего особеннаго въ сравненіи съ Мачтой и горой креста, гдѣ мы были. Только виды отсюда грандіознѣе. Съ земляной площадки, облицованной по краямъ камнемъ, открывается подъ ногами слѣва Ялта, Ливадія, Ореанда, прямо — Черное море, направо лѣсъ и вдали Ай—Петри, самая большая гора послѣ Чатырдага, вся въ облакахъ. Флора сѣверная: находимъ здѣсь своихъ знакомыхъ: сосну, дубъ, верескъ Лица невольно проясняются при этой пріятной встрѣчѣ...

Отсюда, уже никуда не заѣзжая, ѣдемъ въ Алупку, гдѣ насъ ожидаетъ обѣдъ, заказанный еще наканунѣ чрезъ посредство горнаго клуба. Путь лежитъ подъ гору, зигзагами, между горныхъ утесовъ. Виды все тѣже, но лица и сцены чѣмъ дальше, тѣмъ интереснѣе. Рядомъ съ дорогой, на маленькомъ выступѣ скалы спитъ мужикъ лицомъ внизъ, растянувшись во весь

рость. Диво, какъ онъ не упадетъ отсюда. Дальше попадаетея навстрѣчу дама, лѣтъ сорока, въ юбкѣ, оригинально подобранной подъ сапоги, съ трубкой въ зубахъ и съ велосипедомъ въ лѣвой рукѣ, толстая, маленькая, идетъ, точно прихрамываетъ. Безъ смѣху на нее смотрѣть нельзя. Невдалекѣ — строящійся домъ, безъ дверей и оконъ, съ надписью: „Отдаются квартиры“... Проѣзжаемъ Ай — Тодоръ. Въ минуту, пока поять лошадей, успѣваемъ зайти въ почтовое отдѣленіе и послать нѣсколько открытыхъ писемъ... Вдали виднѣется „гнѣздо ласточки“; близко къ дорогѣ татарская мечеть, церковно-приходская школа и невадалекѣ отъ нея домъ съ цѣлой просвѣтительной организаціей въ церковномъ духѣ. Церковно-приходская школа — двухъ-этажный дворецъ изъ сѣраго камня съ бѣлыми, волнообразными скрѣпами.

Еще небольшой переѣздъ — и Алупка, небольшое селеніе, наполовину русское, наполовину татарское. Обѣдъ намъ здѣсь приготовленъ во французскомъ ресторанѣ. Сервировка аристократическая: роскошныя скатерти, хрустальная посуда, вазы, цвѣты. Изъ столовой, устроенной фонаремъ, черезъ столѣтніе кипарисы видъ на далекое море. Наши присмирѣли въ непривычной обстановкѣ, почти не разговариваютъ другъ съ другомъ; только двое, наиболее веселые и остроумные „дѣти“ гдѣ-то отыскали безграмотную надпись и завели съ гимназистомъ споръ о томъ, какъ написать правильнѣе... упражняются въ склоненіяхъ и спряженіяхъ... Столь и по качеству и по количеству не заставляеть желать ничего лучшаго и весьма доступенъ по цѣнѣ даже намъ: 50 коп. за два блюда *).

Послѣ обѣда одни слушали канареекъ (около столовой въ клѣткѣ ихъ здѣсь цѣлый выводокъ, десятка два), другіе покупали крымскія шляпы, съ переплатой 50% противъ Ялты.

Къ вечеру осматривали дворецъ Воронцова, останки бывшаго величія... Утомленные туристы съ великимъ снисхожденіемъ выслушиваютъ неинтересную повѣсть татарина о бывшихъ князь-

*) Это крайне дешево по Крыму, гдѣ въ «сезонъ» одинъ только самоваръ часто стоитъ 2 р. 75 к. Нашъ 10-ти копѣечный арбузъ стоитъ 2 р., номеръ, стоящій въ Самарѣ 1 р., тамъ (въ разгаръ сезона) отдается за 7 р. въ сутки и т. д.

яхъ; мѣстами останавливаютъ его на самой срединѣ рѣчи и осыпаютъ пустыми вопросами:

— А эта собака-то какъ называется? (что изображена на картинѣ).

Татаринъ молчитъ и сердится.

Двое другихъ разваливаются на знаменитомъ чѣмъ-то диванѣ, одинъ вздыхаетъ во всѣ легкіе и комично произноситъ „Ээ-хъ! Старость не радость“. Проводникъ посылаетъ смѣльчаку молніеносный взглядъ, но отвлекается замѣчаніемъ дамы: „Ахъ, это очень интересно“ и начинаетъ что-то рассказывать про своихъ владѣтельныхъ вельможъ. Въ разговоръ вмѣшивается педагогъ въ формѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и говоритъ, обращаясь къ дамѣ: „Восторгъ одинъ! Уйдемъ скорѣй!“! Сцена заканчивается просьбой какого-то судейскаго чиновника „показать ему во дворцѣ парадную лѣстницу“.

— „Она съ той стороны, грубо отвѣчаетъ татаринъ: самъ гляди!“!

Никому неинтересный дворецъ осмотрѣли и мы, также больше по обязанности и потому что „такъ принято“, и перешли отсюда въ садъ и цвѣтникъ. Цвѣтникъ почти на самомъ морѣ, съ террасой богато убранной статуями и рельефными изображеніями. Наше юношество, впрочемъ, мало интересуется цвѣтами: большинство изъ нихъ тянетъ „къ Волгѣ“ (такъ называютъ они море) купаться.

На концѣ сада, у самага моря, знаменитая скала Айвазовскаго съ чуднымъ видомъ на море и горы. Въ горахъ при вечернемъ освѣщеніи солнца точно громадный пожаръ; на далекое пространство видѣнъ „дымъ“; такъ и кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ появятся языки пламени. Нѣчто подобное тому, какъ въ деревнѣ загорается изба „отъ Божьяго милосердія“. Море спокойное; изрѣдка слышенъ плескъ волны, тихо разбивающейся о близлежащіе камни. Камни громадные: по пяти и больше сажень въ діаметрѣ. Тысячи надписей на каждомъ изъ нихъ: карандашемъ, мѣломъ, красками.. Есть любители, которые нарочно приносятъ сюда флаконъ краски съ кисточкой, чтобы на каждой скалѣ написать свое имя. Встрѣчаются надписи даже на высотахъ

почти неприступныхъ. И тутъ же, рядомъ съ ними, сатиры на любителей дешовой популярности:

„Прекрасна, роскошна въ Алуцкѣ природа,

И ѣздить сюда такъ естественна мода,

Одно лишь прескверно: глупцовъ имена

Повсюду назойливо лѣзутъ въ глаза“...

На обратномъ пути отъ моря къ дворцу осматривали паркъ и цвѣтникъ. Въ цвѣтникѣ купили нѣсколько букетовъ магнолій *).

Около главной террасы особенное вниманіе обратили на статуи львовъ, обращенныя къ морю. Самый большой изъ насъ старался задобрить ихъ: гладилъ по головѣ и уговаривалъ ласковыми словами.

Окончивъ осмотръ, собрались на дворъ дворца: въ ожиданіи экипажа, занимались пустословіемъ и, по очереди, однимъ стаканомъ пили воду изъ фонтана съ надписью: „1839“. Ровно въ пять часовъ были поданы экипажи и всѣ участвовавшіе въ экскурсіи отправились въ обратный путь.

Ѣдемъ тѣми же мѣстами, что и утромъ и повторяемъ „выученное“ въ сегодняшній день... Тѣже горы и таже непринужденность крымской жизни въ вечернихъ сумеркахъ. Въ одномъ мѣстѣ группа мальчугановъ сидитъ на заборѣ свѣсивши ноги; въ другомъ художникъ, цѣпляясь за скалу, снимаетъ виды. Дальше — чисто русская картина: въ открытыхъ дверяхъ лавочки цѣлая семья пьетъ чай „съ прохлажденіемъ“. Мужикъ, съ энергіей достойной лучшей участи, откусываетъ сахаръ и дуетъ на блюдечко. Рядомъ съ хатой знакомая надпись на доскѣ, утвержденной на бѣломъ столѣ: „Деревня Гаспра, домовъ столько-то, душъ столько-то“. Все еще, значить, Россія, родная наша матушка Русь. Преобладающій элементъ, впрочемъ, крымскіе татары, грубые, злые и, кажется, большіе бездѣльники. Главное занятіе ихъ — сидѣть у моря и ждать погоды. Невдалекѣ отъ одной сакли разложенъ безъ призора весь инвентарь; очевидно, воровъ здѣсь не боятся... Преобладающее зрѣлище по пути — бассейны и фонтаны. Сколько ихъ здѣсь — и не сосчитаешь. По мѣстамъ встрѣчаются священные источники съ соответствующими надписями на арабскомъ языкѣ.

*) Часть ихъ доѣхала до Самары, и здѣсь погибла преждевременною смертью.

Ближе къ Ореандѣ, защищенной природной отвѣсной стѣной въ $\frac{1}{4}$ версты вышины, уже меньше безопасности и больше порядка. Все русское и все благоустроено. Особенно хороша Ливадія въ вечернемъ полумракѣ и особенно красивы дворцы съ ихъ безконечными цвѣтниками, — точно рай земной. При въѣздѣ — золотой государственный гербъ. Ряды кипарисовъ окружаютъ путь. Дорога ровная, со сторонъ вырѣзанная въ камнѣ. Подъ горою Ялта; почти подъ ногами бѣлѣютъ дома среди зелени... „Облака бѣгутъ надъ моремъ“.

Пріѣзжаемъ въ Ялту еще засвѣтло, но до такой степени покрытые пылью и въ такихъ истерзанныхъ костюмахъ, что намѣренно избѣгаемъ встрѣчи съ нашими Самарскими знакомыми, поселившимися здѣсь на дачѣ. Вечеромъ гуляемъ по набережной. Что за прелесть эта прогулка!.. Надъ моремъ гроза: вдали, какъ зарница, блеснетъ молнія, и на моментъ освѣтитъ водную даль, потомъ опять пропадетъ, останется только въ темнотѣ искусственная цѣпь изъ электрическихъ огоньковъ. Тучи медленно ползутъ надъ моремъ, луна пробивается, будто крадется между ними. Надъ самой водой — огни пароходовъ. Невольно приковываетъ вниманіе зеленый огонь на большомъ паровомъ катерѣ. Чувство нѣги наполняетъ душу; одно за другимъ тѣснятся въ сознаніи дорогія воспоминанія, и Божій міръ кажется вдвое лучше въ этотъ чудный вечеръ.

29 іюня. Поѣздка на Ай-Петри, самую высокую гору на южномъ берегу Крыма. Опять собрались въ урочный часъ у Горнаго клуба, и расположились по своимъ мѣстамъ. На этотъ разъ путешествіе не было соединено съ такими удобствами, какъ въ минувшій день. Въмѣсто второго дилижанса была подана самая простая, прозаическая арба и сначала никто не хотѣлъ въ ней ѣхать. Конецъ пререканіямъ положилъ о. ректоръ, собралъ свои вещи и „сѣлъ по ниже“, въ дурной экипажъ. За нимъ послѣдовали и ученики, и споры о мѣстѣ послѣ уже не продолжались. Арбу даже предпочитали, потому что въ ней больше трясло и было веселѣе ѣхать, хотя... конечно, не пожилымъ особамъ. Проводить насъ опять пришелъ начальникъ клуба. Онъ привѣтствовалъ насъ

добродушной улыбкой, какъ старыхъ знакомыхъ: „здравствуйте, господа!.. Въ азіатскомъ экипажѣ... Ну ничего, мы съ него начинали свое дѣло. Это первый экипажъ нашихъ экскурсій, раньше не было другихъ экипажей“... Экипажъ дѣйствительно, азіатскій: громадная телѣга, длинная, набитая сѣномъ, покрыта сверху деревянной рѣшеткой и поверхъ нея—грязнымъ брезентомъ...

Поѣздка—одно удовольствіе. При каждомъ уклонѣ и встряскѣ поднимается смѣхъ и остроты. Я думаю, очень интересно было смотрѣть на насъ со стороны: ѣдемъ за рѣшетками, точно въ ходячемъ острогѣ. Въ рукахъ людей болѣе серьезныхъ мѣстная газета — „Крымскій Вѣстникъ“. Читаемъ фантазіи о мученической кончинѣ въ Китаѣ русскаго посланника. Признаться не повѣрили почему-то... Въ перемежку затягиваемъ пѣсню или разговариваемъ съ татаринѣмъ—кучеромъ. Кучеръ не словоохотливъ,—больше расположенъ помечтать, чѣмъ отвѣчать на наши вопросы. Безпрестанно понукая своихъ клячъ, онъ тянетъ трубку и напѣваетъ себѣ подъ носъ безконечную монотонную пѣсню. Время отъ времени о. духовникъ предлагаетъ намъ помѣняться мѣстами, доказывая, что на линейкѣ ѣхать гораздо лучше, чѣмъ въ арбѣ, и что намъ тамъ не мѣсто, но ректоръ отвѣчаетъ ему съ шуткою: *ibi bene, ibi patria*, и продолжаетъ оставаться въ незамысловатомъ экипажѣ, несмотря на тѣсноту и тряску.

Давно обогнули Ливадію. Поднимаемся кверху зигзагами, дѣлая уклоны вправо и влево. Подъ ногами—Ялта то съ той, то съ другой стороны. Мѣста неприступныя. Громадныхъ денегъ стоило проложить дорогу на этихъ высотахъ. Поднимаемся все выше и выше. Постепенно измѣняются породы растительности. По сторонамъ дороги пошли хвойныя деревья, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и наконецъ нѣсколько десятинъ мачтоваго лѣса. Воздухъ сталъ холоднѣе и чище, легче дышать. Внешней природѣ соотвѣтствуетъ и обстановка здѣшняго быта. Въ сторонѣ слышатся звуки гармоники, будто гдѣ-нибудь въ сѣверной деревнѣ; гдѣ-то въ лѣсу раздается чисто русская веселая пѣсня. Какъ бы въ соотвѣтствіе ей съ первой линейки слышенъ стройный аккордъ:

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой

Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой...

Кучеръ вдругъ, совершенно неожиданно, останавливаетъ своихъ лошадей около грязной лужи и кричитъ ямщику, который ѣдетъ впереди насъ: „Стой“!

Что такое? — спрашиваемъ.

— Отдыхайте! Корму дать лошадей. Умреть лошадей, отвѣчаетъ татаринъ.

Выбираемся изъ арбы и пьемъ воду изъ мутнаго источника, на этотъ разъ уже по привычкѣ, безъ необходимости пить. Въ воздухѣ чувствуется осенняя прохлада. „Осень... воздухъ усталыя силы бодрить“. Съ этого мѣста начинаются казенныя лѣсныя дачи. Время отъ времени попадаются воза съ дровами. По мѣстамъ путь такъ узокъ, что приходится пережидать, чтобы не встрѣтиться на поворотѣ. То и дѣло слышится сигнальный звукъ рожка...

Еще пасмурнѣе. Въѣхали въ область облаковъ. Видныя издали, облака здѣсь представляютъ нѣкоторое подобіе тумана, и то прозрачнаго, не какъ у насъ по осени. Въ воздухѣ сырость, какая-то мокрая, пронизывающая. По мѣстамъ дорога идетъ по самому краю обрыва. Бѣда, если провалишься: костей не сыскать. Но наше юношество и не думаетъ объ этихъ страшныхъ перспективахъ, — поетъ во весь голосъ одушевленную пѣсню:

— „Смѣло, братья, туча грянетъ, закипитъ громада волнь“ ...

Не страшны имъ, добрымъ молодцамъ, лѣса темныя дремучіе... Въ сторонѣ привѣтливо манитъ путника коричневый домикъ среди лѣса. Невдалекѣ отъ него ключъ, маленькій огородъ съ сѣверными овощами. Дальше — попадаются навстрѣчу двѣ арбы: одна съ дровами, другая съ татарами. Человѣкъ десять ихъ сидятъ въ одной телѣгѣ: всѣ черныя, злыя. Два — три изъ нихъ въ красныхъ фескахъ, остальные въ черныхъ мѣховыхъ шапкахъ. Еще одинъ подъемъ — и гора Яйла, или, какъ мы ее называемъ — „Ай-Люли“. Ъхали отъ Ялты въ гору пять часовъ. Здѣсь отдохъ, кому угодно — завтракъ, а затѣмъ пѣшій подъемъ по голымъ каменнымъ скаламъ на Ай-Петри. Останавливаемъ экипажи у корчмы „Милости прошу“, размѣщаемся на табуреткахъ передъ столиками у входа и требуемъ себѣ завтракъ. Здоровый, красно-

щекій мужикъ великоруссъ, по всей вѣроятности ярославецъ, устраиваетъ намъ приличную закуску изъ яичницы, молока и хлѣба. Обстановка корчмы совершенно не крымская. Комната маленькая; въ углу икона съ теплящейся лампадкой, рядомъ съ нею цѣлая „библіотека“ изъ разнообразныхъ бутылокъ, рядомъ — патенты и приспособленія для „мѣры и вѣса“. Совершенно все то же, что и въ любомъ трактирѣ или на постояломъ дворѣ въ губерніяхъ Тверской, Ярославской и Вологодской.

Окончивъ завтракъ и расплатившись, идемъ къ мачтѣ, откуда съ террасы открывается видъ на море и Ялту. Страшно смотрѣть подъ ноги: верста слишкомъ будетъ „до дна“, если по нечаянности сорвешься и полетишь внизъ. Боязливо выглядываемъ изъ за рѣшотки и скорѣе откидываемся назадъ, инстинктивно преодолевая желаніе испытать ощущенія полета по воздуху.

До Ай-Петри отъ казармы версты полторы. Путь каменистый. Всюду, куда ни помотришь, голыя скалы да небо. На далекомъ пространствѣ ни одной души. Резонансъ прекрасный. Разговоръ слышенъ совершенно ясно на цѣлую версту. Благодушествуемъ, поемъ и возглашаемъ: „многая лѣта“. Пустынное эхо передѣлываетъ на разные лады, искажаетъ и снова возвращаетъ звукъ. Виды кругомъ безподобны, только смотрѣть нельзя: заглядишься, смотришь — нога запнулась за камень, и ежеминутно рискуешь голову сломать.

Главная скала Ай-Петри вся въ облакѣ. Ничего не размотришь кругомъ, будто мы въ какомъ то бѣломъ дымѣ. Сырость окружаетъ со всѣхъ сторонъ и послѣ быстрого пути невольно заставляетъ вздрагивать отъ холода: точно въ холодной банѣ. Мы въ районѣ Соловокъ. Недалеко отсюда есть лощина, гдѣ снѣгъ доселѣ еще не стаялъ. Растительность такая же какъ и тамъ, бѣдная, убогая. Вмѣсто травы — кусты крапивы, — знакомое, родное растеніе. Недалекѣ осы гнѣздо свили. Будущіе студенты — естественники изъ нашей партіи поймали насѣкомое и подвергаютъ его всестороннему анализу: анатомируютъ и отдѣляютъ медь. Большихъ усилій стоитъ выбить изъ горячихъ головъ непреодолимое стремленіе спуститься внизъ со страшной крутизны. Кто то за-

бирается на отвѣсную скалу съ ежеминутнымъ рискомъ полетѣть къ морю. Послѣ многихъ и неудачныхъ предупрежденій, ему съ досадой замѣчаютъ: „если хотите, сами то вы летите куда угодно, только для этого другое время изберите, чтобы насъ не беспокоить“. Кто то изъ товарищей, видя упрямство воздухоплавателя, съ ожесточеніемъ замѣчаетъ: „вотъ чубукъ-то“!

Облако скрыло насъ со всѣхъ сторонъ. Ничего не видно, кромѣ неба. Гдѣ то вдали кричитъ орелъ. Нѣсколько минутъ — и небо начинаетъ проясняться. Внизу, чрезъ цѣлую группу камней, испещренныхъ надписями, открывается самый лучшій видъ, какой мы только могли наблюдать за время всей поѣздки. Чуть не весь Крымъ у насъ подъ ногами, на десятки верстъ кругомъ. Черное море маленькое, будто игрушечное, заливы еще меньше, а дома такой же величины, какъ если бы мы смотрѣли на нихъ въ бинокль, обративши къ глазамъ большія стекла. Вдали „блѣетъ парусъ одинокій въ туманѣ моря голубомъ“... Едва его разсмотришь простымъ глазомъ. На этотъ разъ мы совершенно въ воздушномъ пространствѣ. Такъ мала скала, на которой вы стоите, и такъ безграниченъ горизонтъ, который открывается предъ вами во всѣ стороны, что вы совершенно не замѣчаете подъ собою почвы, а видите одно небо и на землю смотрите не иначе какъ съ презрѣніемъ, — не видать вамъ теперь, — какъ копошатся люди у васъ далеко подъ ногами. Мнѣ никогда не приходилось летать на аэростатѣ, но думаю, что если бы пролетѣть на немъ надъ землей версты три, такъ получилось бы приблизительно такое же впечатлѣніе.

Сильнымъ ощущеніемъ тѣла вполне соответствуетъ и душевное настроеніе. Придите вы сюда когда нибудь одинъ, и вы увидите, вы забудетесь, что бываютъ въ жизни человѣка моменты, когда и оставаясь живымъ, можно отрѣшиться отъ оболочки бреннаго тѣла, въ лучшемъ смыслѣ слова покончить счеты съ жизнью. Вы все забываете, всѣхъ враговъ своихъ, всѣ непріятности и чувствуете себя „въ пространствѣ синяго ээира“, рядомъ съ вѣчностью, въ которую когда то, быть можетъ скоро, придется вамъ перейти. Въ этомъ мірѣ облаковъ, которыя подъ вашими ногами,

нѣтъ житейскихъ счетовъ, — Богъ и міръ, но вы дальше отъ міра и ближе къ Богу. Я невольно воображаю себя здѣсь въ роли вонъ того пастуха, который тамъ, на склонѣ горы, пасетъ овецъ, который уложитъ свое стадо въ безопасномъ отъ хищниковъ мѣстѣ и имѣетъ возможность придти сюда, сѣсть и успокоиться на моментъ отъ тревоги и заботъ дня, и ужо, когда стемнѣетъ, посмотрѣть вдаль, въ темную ночь. Какъ живой, въ моемъ воображеніи сидитъ онъ на обрывѣ дикой скалы и смотритъ внизъ на море. Передъ нимъ вспыхиваетъ молнія, искрами освѣщаетъ небосклонъ и темныя Черныя воды. Вдали слышатся глухіе раскаты грома; серпъ луны медленно идетъ среди облаковъ; потомъ облака проходятъ и наконецъ весь горизонтъ проясняется при ясномъ сіяніи звѣздъ и мѣсяца... Какъ чудно хорошо у него должно быть на сердцѣ.

По ассоціаціи припоминается еще подобная картина. Воскресають въ сознаниі древніе ветхозавѣтные пастыри, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ... „скитанія ихъ въ горахъ, вертепахъ и пропастьяхъ земныхъ“, видѣніе лѣстницы, ведущей къ небу отъ каменной пустыни. Глубокая символическая идея заложена въ этихъ до крайности простыхъ и общепонятныхъ сказаніяхъ... Вѣдь и эти горы — тоже, совершенно таже выжженная солнцемъ ветхозавѣтная пустыня, которая воспитала тысячи лѣтъ тому назадъ великихъ ревнителѣй вѣры. Тѣже это или почти тѣже разсѣлины и скалы, гдѣ въ пустынѣ шель Израиль, переселяясь изъ Египта, въ той же обстановкѣ онъ видѣлъ столпъ облачный и огненный. Здѣсь ключъ къ пониманію Библии, здѣсь разгадка неразгаданныхъ мотивовъ русской поэзіи, устремляющей читателя „въ надзвѣздные края“...

Мысль прерывается. На скалу влѣзають одинъ за другимъ разряженные и пропитанные духами туристы: барышни, кавалеры, „мамаша“, не спускающія глазъ съ своихъ дочекъ, старцы, которымъ это все давно надоѣло и которые, кряхтя и охая, идутъ сюда только чтобы доставить другимъ удовольствіе. Въ толпѣ есть два — три юныхъ гимназиста изъ Кутаисской или Нахичеванской гимназіи и нѣсколько „студентовъ Нахичеванскаго же

университета“. Разговоръ туристовъ пустой. Всѣ пришли сюда только потому, что такъ принято. Летательный инстинктъ владеетъ молодежью еще больше, чѣмъ нашими юношами. Храбрая барышня стоитъ на самомъ обрывѣ и готовится полетѣть къ морю. Ей кричатъ: „падаешь, падаешь“... Она вздрагиваетъ и бросается назадъ. Появляется еще одинъ молодой человекъ. Задохшись отъ подъема, пытается острить, обращается къ своему товарищу съ улыбкой: „Вотъ гдѣ предатель, гдѣ злодѣй, куда бѣжалъ Гуда въ страхѣ“. Улыбка усталая, жалкая, острота плоская, впечатлѣнія никакого. Храбрая барышня обращается къ нему съ любезной просьбой: „Сергѣй Григорьичъ, замѣтьте, сколько секундъ я буду летѣть въ пропасть“. Кавалеръ, уже оправившійся отъ усталости, начинаетъ доказывать, что и летѣть ей совсѣмъ незачѣмъ. Дальше лѣзетъ въ гору толстый папаша, изъ купеческаго сословія. Усталъ, задохся. Собираетъ послѣднія силы и изъ подъ горы хриплымъ голосомъ кричитъ:

— Вы, ня вижу уже подомашнему расположились?

Ему отвѣчаютъ утвердительно.

— А можно ли ноги свѣсить?

Говорятъ, что можно и что NN свѣшивалъ.

Въ этотъ моментъ „папаша“ влѣзъ на самую вершину горы, твердо оперся обѣими ногами, тяжело вздохнулъ и выкативъ бѣлки, охаетъ: „батюшки ты мои свѣты. Наконецъ то доплыли... Ну-ко-ся!“ разваливается на скалѣ и смотритъ вдаль.

Картина мѣняется. Моментально вы падаете съ неба на землю; изъ глубины вѣковъ переплываете къ современной „пошлости и прозѣ“. Отъ чуднаго сна — созерцанія небесныхъ міровъ, въ моментъ переноситесь куда нибудь на „Невскій“, на Биржу, на торжище, „выучительскую“, въ дамскій комитетъ или на женскіе курсы. Вмѣстѣ съ тяжелымъ запахомъ сильныхъ духовъ люди принесли съ собою сюда всю пошлость жизни и вы невольно сами присоединяетесь къ ней, вспоминая о своихъ забытыхъ „дѣлахъ“...

Налѣво — будто почъ наступила. Горы потемнѣли, облака повисли надъ ними на все пространство. Чудное это сочетаніе яс-

наго дня съ темной ночью. Направо свѣтлые тоны. На самомъ закатѣ рядъ почти снѣговыхъ облаковъ; но чѣмъ лѣвѣй, тѣмъ они болѣе и болѣе темнѣютъ и на далекомъ востокѣ картина за-ключается сумракомъ ночи. Еще моментъ—и опять новые виды. Будто въ разныхъ мѣстахъ горы загорѣлись. Чудовищный по-жаръ занялъ весь востокъ и дымъ подневольной жертвы далеко возносится къ небу. Внизу шумятъ вѣковыя сосны. Вдали ки-пять и пѣнится море. „Девятый валъ“ видать даже отсюда, съ этой страшной, почти полтораверстной высоты.

Группа туристовъ, забывъ эти красоты, внимательно смо-треть, какъ любитель путешественникъ цѣпляется по скалѣ съ бутылкой краски, и спѣшитъ записать свое имя... которое никто не прочтаетъ. Какъ велика у человѣка жажда безсмертія, хотя и дешеваго. Тоже психозъ, на подобіе того, о которомъ мы, бы-вало, читали у Иловайскаго: „Безумный грекъ Геростратъ, же-лая увѣковѣчить свое имя въ исторіи“... Вдали идетъ стадо. Звуки на разные лады: басы, тенора, альты. Мотивъ чисто скотскій...

Пора домой. На станціи давно ждуть экипажи. Обрато не идемъ, а бѣжимъ. Дышется легко; усталые юноши поютъ строй-нымъ хоромъ:

На вершинѣ его не растетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ...

и слушаютъ, какъ эхо далеко разноситъ по горамъ стройные звуки.

Въ 5 часовъ вечера будимъ кучеровъ и ѣдемъ обратно. Небесныя явленія въ сумрачномъ вечерѣ еще привлекательнѣе. Подъ горою тѣни отъ облаковъ. Надъ моремъ нити дождя, будто вдали, въ туманѣ, пролеты гигантскаго моста протянулись надъ неизмѣримымъ воднымъ пространствомъ.

Спускаемся ниже. Въ Учань-Су, около изящнаго домика среди сосенъ— партія туристовъ. Дымокъ курится изъ трубы. Около ограды, среди вѣковыхъ деревьевъ—осѣдланныя лошади. Об-становка помѣщичьей усадьбы на Сѣверѣ. Еще ниже, уже почти надъ самой Ливадіей, въ сторонѣ дороги мальчики—школьники читаютъ интересную книжку съ картинками, кажется религіознаго одержанія. Лица оживленные, глаза блестятъ... Вблизи отъ нихъ

нашъ ямщикъ, зазѣвавшись на открывающійся подъ ногами видъ Ялты, едва не раздавилъ старуху. Такихъ старухъ нѣтъ въ нашемъ краю: страшная, худая, почти совсѣмъ высохшая. Завидя еще издали устремившійся на нее экипажъ, она быстро отскочила въ сторону, злобно сверкнула черными глазами на нашего кучера, хотѣла что то сказать, но нашъ экипажъ уже скрылся за поворотомъ. Еще нѣсколько зигзаговъ—и въ сторонѣ блестящіе золоченые орлы на Ливадійской дорогѣ, заборъ съ колючками; за нимъ роскошные цвѣтники и парки; затѣмъ три версты пути среди строеній и дачъ, очень оживленныхъ по случаю сегодняшняго праздника, и наконецъ мы опять въ Ялтѣ.

Время еще сравнительно раннее, но запыленный костюмъ нашъ рѣшительно не позволяетъ выйти на улицу. На этотъ разъ мы очень напоминаемъ мельниковъ или лабазниковъ, только что возвратившихся изъ мучнаго амбара. Счастье наше, что никто здѣсь насъ не знаетъ.

По возвращеніи въ Ялту, навѣдываемся въ почтамтъ о корреспонденціи, присланной на наше имя, но часъ поздній, да и наружность у насъ не внушительная: не выдаютъ намъ нашихъ писемъ, просятъ завтра придти.

30 іюня. Послѣ обычнаго купанья, посѣтили главный подвалъ въ Масандрѣ и Никитскій садъ. На этотъ разъ участвовали въ путешествіи не всѣ, а только тѣ, кто чувствовалъ себя здоровымъ, и ѣхали уже не въ экипажахъ горнаго клуба, а на отдѣльныхъ извозчикахъ, подъ зонтами.

Винный подвалъ—это громадное сѣрое зданіе изъ дикаго камня, половиной своей утвержденное въ горной скалѣ. Обстановка торжественная: надъ главнымъ входомъ императорскій гербъ и громадные часы. На первый разъ мы чувствовали себя нѣсколько неловко въ новомъ мѣстѣ, но, на наше счастье, встрѣтили здѣсь земляка „изъ духовныхъ“, теперь винодѣла, который не только разсѣялъ наше смущеніе, но и во всѣхъ подробностяхъ ознакомилъ насъ съ производствомъ удѣльныхъ винъ. За продолженіе полутора часа нашего пребыванія въ подвалѣ винодѣль прочелъ намъ цѣлую большую лекцію съ иллюстраціями по своей специаль-

ности. Сначала онъ показалъ намъ комнаты, гдѣ окисляется вино въ бочкахъ, затѣмъ провель по безконечнымъ, темнымъ корридорамъ, гдѣ по обѣ стороны, въ шкафахъ хранится вино въ бутылкахъ и, наконецъ, предъ выходомъ предложилъ усталымъ туристамъ пробу лучшихъ винъ. Длинную лекцію читанную среди бочекъ и въ тоннели при свѣтѣ эдиссоновской лампочки мы запомнили только въ общихъ чертахъ, именно. Существуютъ три періода въ выдѣлкѣ вина: прессованіе винограда (съ конца августа по начало октября), стадія бурнаго броженія (пять—десять дней для красныхъ винъ и пятнадцать для бѣлыхъ), слѣдующая непосредственно за прессованіемъ, и выдерживаніе слитаго вина въ тепломъ помѣщеніи до весны слѣдующаго года. По веснѣ вино переносится въ тоннели и выдерживается, смотря по качеству, самое меньшее — полгода, самое большее — десятки лѣтъ. Для каждаго сорта вина есть свой возрастъ, далѣе котораго оно уже не будетъ улучшаться. Качество вина зависитъ отъ сорта винограда; въ годы хорошаго урожая бываетъ лучшее (такимъ былъ 1892 годъ), въ годы плохаго — худшее. По нашей просьбѣ, винодѣль продолжилъ свою лекцію сообщеніемъ свѣдѣній о выработкѣ когора. Говорилъ, что за ту цѣну, которую платять по церквамъ, нѣтъ возможности доставлять натуральное виноградное вино, которое стоитъ по самой дешовой расцѣнкѣ не менѣе 80 коп. бутылка. Нашъ же когоръ, стоящій 30 коп., выдѣлывается изъ чихиря, который покупаютъ въ Дербентѣ и сдабриваютъ сахаромъ, черникой и глицериномъ.

Особенно интересное впечатлѣніе производять помѣщенія подвала. Во всѣхъ комнатахъ и тоннеляхъ электрическое освѣщеніе, искусственная вентиляція, приспособленія для урегулированія температуры воздуха. Въ самый жаркій лѣтній и въ самый холодный зимній день въ помѣщеніяхъ, гдѣ выдерживается вино, температура колеблется не болѣе какъ на два градуса. Оказывается, вино — вещь чрезвычайно капризная: не выноситъ ни грязи, ни затхлаго воздуха, ни искусственнаго нагрѣванія. Въ первыхъ двухъ случаяхъ портится, въ послѣднемъ „умираетъ“.

Изъ главнаго подвала нашъ путь лежалъ въ Никитскій

садъ. На этотъ разъ мы крайне жалѣли о томъ, что осмотръ са-
маго интереснаго мѣста въ Крыму пришлось отложить на послѣд-
нихъ полдня. Наслаждаясь поэзіей и удовольствіями свободныхъ
туристовъ, мы „за деревьями лѣсу не видали“.

Никитскій садъ—это цѣлая школа ботаники. Здѣсь собрано
все, что при благопріятныхъ условіяхъ и внимательномъ, по пра-
виламъ науки, уходѣ можетъ расти во всѣхъ странахъ свѣта на
данной широтѣ. Ученикъ земледѣльческаго училища, сопровождав-
шій насъ при обзорѣни сада, вѣще болѣе, чѣмъ винодѣль въ
своей области, удивлялъ насъ жизненностью своихъ разсказовъ.
Всѣ деревья у него точно живые. И если вино у винодѣла мо-
жетъ капризничать, развиваться и умирать, если броненосецъ у
моряка имѣетъ свое сердце и артеріи, то здѣсь, въ саду, еще
большимъ количествомъ чисто человѣческихъ способностей, облада-
ютъ деревья. Есть среди нихъ веселые, скучные, тоскующіе по
родной почвѣ, есть „недотроги“, есть сердитые и добрые, краси-
вые и безобразные. Ученикъ, показывавшій намъ садъ, ходилъ
среди нихъ какъ хорошій учитель въ школѣ и рекомендовалъ сво-
ихъ питомцевъ, разсказывая біографію каждаго, а о нѣкоторыхъ
даже сообщилъ археологическія свѣдѣнія. „Вотъ это, говорилъ
онъ намъ показывая на громадное дерево съ листьями, похожими
на акацію, съ большими стручками и острыми комочками *Reditschia*
triapactus—Іерусалимскій тернъ или Христовъ тернъ, изъ кото-
раго сплетенъ вѣнокъ Спасителю; это — *Cercis seliquastrum* Іудино
дерево, на которомъ удавился Іуда Предатель; это—ленкоранская
акація, которая свертываетъ на ночь свои листочки; это земля-
ничникъ, который зимой бываетъ съ красной корой, лѣтомъ съ
бѣлой; ядовитый суммахъ, котораго достаточно одного зерна, что-
бы умерло животное; боярышникъ, который страшно разрастается:
„посадишь — такъ никакого забора не надо“. Дальше — лавры, мас-
лина, пробковый дубъ, грецкій орѣшникъ, барвинокъ, о которомъ
пѣсня поется, затѣмъ десятки видовъ хвойныхъ деревьевъ и на-
онецъ, близко къ выходу изъ сада, гигантская аллея громадныхъ
темныхъ кипарисовъ. Точно великаны, они охраняютъ входъ.
Спѣшно познакомившись съ друзьями ученика, мы уже готовы

были проститься съ нимъ, но онъ удержалъ насъ предложеніемъ показать свою любимицу. Заинтересованные предложеніемъ, мы отправились въ оранжерею. Здѣсь, въ уютномъ уголкѣ, въ небольшомъ ящикѣ растеть мимоза, самая скромная изъ растений сада. Дунуль на нее слегка садовникъ, и она сразу же стыдливо опустила книзу свои листочки. Мы невольно всѣ засмѣялись.

Больше смотрѣть нечего. Просимъ на прощанье рекомендовать намъ какія-нибудь комнатныя растенія. Садовникъ указываетъ араукарію (самое красивое изъ хвойныхъ), камелію, азалию, латанію, *pelargonium* и *dracaena*. Вспомнили и очень пожалѣли на этотъ разъ, что нѣтъ съ нами нашего „естественника“; для него это бы цѣлый университетъ. Итакъ, мы за продолженіе часа времени побывали въ Китаѣ, Японіи, въ Сѣверной Америкѣ, подъ тропиками. Рядомъ съ этой энциклопедіей растений, почти подъ ногами у насъ, за высокими деревьями плещется море. Благодарное мѣсто! Говорятъ, здѣсь температура никогда не понижается ниже нуля, даже въ то время, когда на горахъ бываетъ 25° К.

По возвращеніи изъ Никитскаго сада и послѣ обѣда побывали почти во всѣхъ городскихъ магазинахъ: покупали раковины, холодильники *), пояса и прочія мелочи, которыми славится Ялта. Потомъ собираемся въ дорогу и принимаемъ многочисленныхъ трактирныхъ завсегдатаевъ: половыхъ, швейцаровъ, разсылныхъ, которые такъ любятъ сопровождать путешественниковъ и которые такъ услужливы бываютъ при отъѣздѣ.

Около 6-ти часовъ получили извѣстіе, что идетъ пароходъ. Спѣшно отправляемъ вещи, спѣшно идемъ къ молу и послѣдній разъ усердно молимся въ приморской часовнѣ. Пароходъ — „Великая Княгиня Ксенія“ — тоже одинъ изъ лучшихъ. На молѣ — таже обстановка, что и въ первый нашъ пріѣздъ. Масса пассажировъ сходитъ по лѣстницѣ на гранитную набережную. Толпа зѣвакъ сопровождаетъ ихъ взорами. Кривой швейцаръ изъ нашего трактира, въ фуражкѣ съ золотымъ околышемъ, нюхаетъ воздухъ, закрываетъ свой единственный глазъ, поднимаетъ носъ кверху и теноромъ, достойнымъ хорошаго пѣвчаго, тянетъ:

*) Кувшинъ, въ которомъ вода можетъ оставаться холодною даже въ самый жаркій день.

— Грррр—андь Отель.

Затѣмъ пережидаетъ минутъ пять и снова:

— Грррр—андь Отель.

Потомъ, какъ-то совершенно неожиданно бросается вслѣдъ за барыней и шепчетъ ей на ухо обычные свои комплименты по адресу отеля. Та идетъ и не обращаетъ вниманія. Чичероне опять возвращается на мѣсто, вытягиваетъ руки по швамъ, поднимаетъ носъ кверху и снова кричить:

— Гррандъ Отель!

Моментъ—и мелкота прошла. Медленно сходятъ съ парохода важныя лица. Полицейскіе вытягиваются предъ ними въ струнку, зазывальщики разступаются въ стороны, пароходская прислуга провожаетъ ихъ благодарными взорами. Идутъ не спѣша, обдуманно, какъ будто каждый шагъ ихъ—дѣло государственной важности. Отступаемъ шагъ назадъ и даемъ имъ дорогу.

Но вотъ уже мы и на пароходѣ. Послѣдній часъ нашего пребыванія въ Ялтѣ. Вечеръ сумрачный, облака низко повисли надъ горами; дождикъ накрапаетъ. Вспоминается такой же вечеръ въ Соловкахъ... Немного грустно на душѣ, чего-то жаль. А еще за день передъ тѣмъ хотѣлось скорѣе покончить оффиціальныя посѣщенія интересныхъ и неинтересныхъ мѣстъ, вызванныя исключительнымъ мотивомъ, что „всѣ тамъ бываютъ“. Жаль этого маленькаго городка, такъ уютно раскинувшася по берегу моря, жаль этихъ горъ, что высоко дымятся надъ утонувшими въ зелени домиками. Хорошо бы, не спѣша, отдыхая отъ трудовъ и заботъ, провести здѣсь лѣтомъ недѣлю, мѣсяць... когда знаешь, что никто не придетъ за тобой торопить на какое нибудь дѣло, когда не боишься опоздать... Какъ милы, какъ безконечно привлекательны были бы эти горы, если бы не постоянно стоящая за нами добродушная фигура „о. благочиннаго“, всегда волнующася, всюду спѣшащаго и заставляющаго другихъ спѣшить. А не спѣшить нельзя. И такъ вся жизнь, все стремишься куда-то, ѣдешь, спѣшишь вдаль... и скоро-ли *дойдешь?*..

На пароходъ пришли наши землячки по Самарѣ. Мирно бесѣдуемъ съ ними въ ожиданіи отъѣзда и любуемся вечерней па-

норамою города. Ялта въ этотъ моментъ положительно красавица. Она только что „умылась“. Смотрите, какъ ярко блеститъ на закатѣ пятиглавый соборъ, какъ привѣтливо выглядываютъ изъ зелени домики и виноградники на склонѣ горы. На пароходѣ во всю силу работаетъ лебедка и слышатся окрики: „верни по малу“. Горы темнѣютъ, почти ежеминутно мѣняя свой цвѣтъ. Облака поднялись выше, заходящее солнце золотитъ край нависшей надъ горами тучи. Прямо предъ нами цѣлый лѣсъ мелкихъ парусныхъ судовъ около каменной набережной, маленькій пароходъ, бѣлая лодка съ двумя гребцами... Темнѣетъ. На набережной зажгли огонь въ одномъ изъ магазиновъ. Привѣтливо горитъ онъ надъ волнами моря. За нимъ другой, третій мерцаютъ среди зелени, то пропадая, то загораясь вновь. А горы еще темнѣе, а вечеръ еще сумрачнѣе... Совсѣмъ стемнѣло. Цѣлая цѣпь огней зажглась на берегу и отражается въ зеркальной поверхности моря. Тихимъ, мерцающимъ блескомъ брилліантовъ свѣтитъ рядъ электрическихъ огней на гранитной набережной. По мѣстамъ появляются огни въ горахъ, среди зелени, точно они въ глубинѣ пещеры. На лѣво—зажгли огонь въ Ливадійскомъ дворцѣ...

Одинъ за другимъ раздаются дикіе свистки парохода; прощаемся и тихо отходимъ отъ пристани. Городъ еще красивѣе: точно ожерелье изъ разноцвѣтныхъ драгоценныхъ камней окружаетъ его со стороны моря: синеватые огни электричества чередуются съ желтыми и красными огнями фонарей. Нѣсколько вправо—огни въ Гурзуфѣ. Картина положительно чарующая.

НА ОБРАТНОМЪ ПУТИ.

1 июля. Проснулись въ Феодосіи. Проводили одного изъ спутниковъ въ Москву и отправились осматривать городъ. Въ проектѣ было посѣтить картинную галерею Айвазовскаго, но такъ какъ часъ былъ слишкомъ ранній, то ограничились прогулкой по пустыннымъ улицамъ, побывали на паперти двухъ церквей, посмотрѣли какъ метутъ улицы экипажемъ—щеткой, выкупались въ ключевой водѣ недалеко отъ мола и возвратились на пароходъ

Въ двѣнадцать часовъ пароходъ подходилъ къ Керченскому

проливу. Во время пятичасовой остановки обѣдали въ трюмѣ, ежеминутно рискуя поплатиться жизнью. Надъ самымъ нашимъ столомъ лебедка вытаскивала на воздухъ мѣшки и ящики, — маленькая оплошность — и они могли сорваться и попасть намъ въ голову. Послѣ обѣда набѣжала туча и помѣшала намъ поѣхать осмотрѣть городъ. Такъ мы на этотъ разъ и остались относительно Керчи съ единственнымъ свѣдѣніемъ, что Аркадій Несчастливцевъ *) ѣхалъ изъ Керчи искать счастья въ Вологду. Въ концѣ остановки дождь пересталъ, и *положилъ Господь радугу* на горизонтѣ Азовскаго моря. Впечатлѣній никакихъ. Поглупѣли мы всѣ до неузнаваемости. Кое-кто пробовалъ говорить: ничего не выходитъ: одни нечленораздѣльные звуки. Одежда наша за время дороги ассимилировалась цвѣту морской воды: ряса о. духовника изъ сѣрой сдѣлалась зеленою и настолько пропылилась, что можно на ней писать литтеры на память грядущимъ поколѣніямъ. Чтобы „убить время“ пьемъ чай. Обстановка убогая: на пять пьющихъ три стакана, одинъ изъ нихъ съ отбитымъ краемъ, такъ что наливать его можно только до половины. На столѣ лежитъ старое „Новое Время“ и черствая булка, которую пора сдать въ музей за ея долголѣтіе. Одновременно съ нами пьютъ изъ нашихъ стакановъ громадныя Черноморскія мухи. Въ воздухѣ висятъ десятки мѣшковъ, которые подняла, но не успѣла еще опустить лебедка. Передъ трюмомъ стоитъ оборванный матросъ, и размахивая рукою какъ вѣеромъ, даетъ сигналы: „майна“ (пущай на низъ), „впра“ (кверху), „по малу“. Одинъ изъ пьющихъ чай рассказываетъ какъ буфетчица обсчитала его на горячей водѣ: за полную сумму налила полчайника и, когда у ней потребовали полный, сказала: — „зачѣмъ вамъ полный-то: вы все равно прольете“... Все равно какъ если вамъ нужно пудъ муки, а вамъ отвѣсили бы полпуда, жалѣя васъ, что тяжело нести.

Въ перспективѣ Азовское море. Масса чаекъ „пѣшкомъ ходятъ“ по морскимъ волнамъ. Впереди бѣлоснѣжныя маяки, дымящіяся пароходы и отдаленныя селенія. Скучное мѣсто, голое, безжизненное.

*) „Лѣсъ“ Островскаго.

Въ половинѣ седьмого, черезъ полчаса послѣ срока, пароходъ „Бабушка“ возвратился съ пассажирами, уѣхавшими на берегъ, просвистѣлъ старушечьимъ голосомъ три раза и ушелъ обратно въ Керчь. Вслѣдъ за нимъ дико завылъ и нашъ пароходъ и медленно снялся съ мѣста.

Къ „о. благочинному“ подходитъ проходимецъ и предлагаетъ ему купить очки.

Наши шутливо спрашиваютъ его:

— Вы оптикъ?

— Да, оптикъ, отвѣчаетъ онъ съ увѣренностью.

И врачъ по глазнымъ болѣзнямъ? — продолжаютъ острить.

— Нѣтъ, но глазныя болѣзни прекрасно понимаю: достаточно посмотрѣть на ваши глаза, чтобы сказать, какой номеръ очковъ, выпуклые, вогнутые и т. д... Я вамъ дамъ очки... будутъ черные какъ уголь, и будете видѣть въ нихъ такъ пріятно, что будете говорить, что они стоятъ тысячу рублей.

— А какая цѣна?

— Три съ полтиной!..

На пароходѣ всѣ злые. Команда безпрестанно ругается и перегоняетъ насъ съ мѣста на мѣсто. „Дядя В.“ и пессимистъ больные лежатъ въ трюмѣ. Обоихъ ихъ во снѣ „жиды утѣсняютъ“. Къ ихъ же компаніи присоединяется и „о. благочинный“, но всѣми мѣрами скрываетъ отъ постороннихъ, что ему нездоровится.

Выбрались въ открытое мѣсто. *И Господь воздвиже вѣтръ велий на мори* (Ион. I, 4). Корабль бросаетъ изъ стороны въ сторону. Наученные въ Соловкахъ, на этотъ разъ поспѣшили прибѣгнуть къ спасительному средству — скорѣе залегли спать.

Въ поздній ночной часъ приходилъ помощникъ капитана и отбиралъ билеты. Наши билеты оказались *у батюшки*. Немало издѣвательствъ вызвало это слово; помощникъ склонялъ его по всѣмъ падежамъ.

2 июля. Новороссійскъ. Только что разсвѣтало, когда нашъ пароходъ вошелъ въ тихій портъ, окруженный высокими горами со всѣхъ трехъ сторонъ. Не заѣзжая въ городъ, спѣшимъ къ вокзалу желѣзной дороги и, послѣ обычныхъ томительныхъ ожи-

даній, ѣдемъ между возвышеніями Сѣверо-Западнаго Кавказа, въ виду темнѣющихъ вдали горныхъ вершинъ. Одна за другою ми- нуемъ двѣ туннели и затѣмъ выбираемся на вольный просторъ. По обѣ стороны пути зеленѣетъ степь, время отъ времени попадаются селенія, затерявшіяся среди необозримой равнины полей и луговъ. Вскорѣ послѣ Кубани станція Тихорѣцкая. Во время продолжительной остановки собираемся партіей и идемъ осматривать станицу. Около вокзала оживленіе чрезвычайное: партіи косцовъ, отправляющихся на заработки, пассажиры, мелочныя торговли ягодами и въ сторонѣ дороги нищіе слѣпцы. Слышатся ихъ причитанія: „Благодѣтели Божіи, подайте милостиночку святую, подайте отъ всего сердца, желанные, не ради нашего прошенія, а ради души своей спасенія, отъ своихъ рученокъ рабочихъ, отъ своихъ глазочекъ пресвѣтлыхъ“... „Отцы наши, мамочки, православные христіане, благодѣтели Божіи, подайте вы милостиночку святую, ради своей душечки, тѣла спасенія, за свое здравіе. Бога молимъ“...

За Тихорѣцкой дорога еще однообразнѣе..

Вечеромъ руководители ведутъ продолжительный и оживлен- ный споръ о значеніи русской литературы въ пониманіи пастыр- скаго идеала. Ночью—пересадка въ другой поѣздъ: мостъ сло- мался. Бранятся отчаянно кондуктора и пассажиры.

3 іюля. Проснулись въ 7 часовъ утра, и опять неудача: сломалась паропроводная труба у локомотива. Сидимъ нѣсколько часовъ въ открытой степи. Спутники наши, студенты—путейцы пытаются привязать проволоку къ телеграфу и дать знать на стан- цію о случившемся несчастьи, но и аппаратъ отказывается слу- жить. Пишемъ депешу: „Я, 337 верста, порча паровоза, прошу выслать новый“ и посылаемъ ее съ водовозомъ—попутчикомъ. Пассажиры разбрелись по степи. Мы пошли съ о. духовникомъ впередъ поѣзда и сдѣлали приваль на ближайшемъ мосту. О. ду- ховникъ взялъ съ собою на память часть этого моста: двѣ гни- лушки отъ устоевъ, на которыхъ утверждены путь. Приносимъ ихъ къ поѣзду и спрашиваемъ кондуктора: Это знаете что?

— Гнилое дерево, отвѣчаетъ кондукторъ.

Вашъ мостъ, говоримъ мы. Какъ думаете? Проѣдемъ?

— Проѣдемъ, говоритъ спокойно кондукторъ: прежде ѣздили и теперь проѣдемъ *).

И дѣйствительно, проѣхали.

Въ тотъ же день къ вечеру пріѣхали въ Сарепту. Скоро Волга. Въ воздухѣ чувствуется свѣжесть, напоминающая близость большой рѣки.

Передъ Царицынымъ — еще испытаніе. На желѣзно-дорожномъ мосту предъ городомъ едва не полетѣли мы, вмѣстѣ съ поѣздомъ, въ оврагъ, но и тутъ Богъ спасъ: тоже „проѣхали“.

Въ городъ прибыли съ опозданіемъ: имѣли намѣреніе прокатиться на лучшемъ пароходѣ Волжскаго Общества „Императрица Александра“, но пароходъ ушелъ за часъ раньше нашего пріѣзда.

Вечеръ провели на городской набережной слушая музыку, зѣвая на гуляющихъ по бульвару горожанъ и созерцая красоты родимой рѣки. Какая полноводная она здѣсь: отъ берега до берега версты три будетъ.

Около девяти часовъ вечера пришелъ снизу Самолетскій пароходъ „Александръ Грибоѣдовъ“, и мы, въ послѣдній разъ собравъ свои вещи, расположились на ночлегъ уже „подъ родной крышей“. Теперь вполне можно было сказать словами Антилеонта: „Товарищи! Мнѣ надоѣло уже укладываться, шагать, бѣжать, стоять на караулѣ... Хотѣлось бы ѣхать, растянувшись, какъ Одиссей, и прибыть въ Элладу спящимъ“. ***) Такъ почти и случилось. Сразу же послѣ отъѣзда изъ Царицына у пишущаго эти строки началась лихорадка и держала его въ полубезсознательномъ состояніи почти до самой Самары. За весь этотъ двухъ суточный переѣздъ только и помню грозу надъ темными берегами Волги, позднимъ вечеромъ 4 июля, да во время пароксизма — разныхъ не-

*) Послѣ, въ Самарѣ, случился курьезъ съ этими гнилушками. О. духовникъ какъ то, показывая собравшимся гостямъ вещи, привезенныя изъ путешествія, досталъ и „остатки моста“, тщательно завернутые въ бѣлую бумагу. Всѣ думали, что это останки какого нибудь памятника старины и очень были разочарованы, когда узнали, что мнимая святыня — часть моста Владикавказской желѣзной дороги.

**) Азѣв. V. I, 2.

бывалой величины и формы звѣрей, нападавшихъ на меня со всѣхъ сторонъ.

Утромъ 6 июля въ послѣдній разъ всѣ участвовавшіе въ экскурсіи собрались около борта парохода и съ нетерпѣніемъ ждали, скоро-ли изъ за волжскихъ береговъ покажется высокая колокольня Самарскаго собора. Замѣтно всѣ стосковались по родинѣ. Это былъ послѣдній общій интересъ участниковъ экскурсіи. Черезъ полчаса, уже въ виду города, каждый сѣшилъ собрать свои вещи, а черезъ часъ, сойдя на пристань, всѣ разошлись въ разные стороны.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прошло болѣе полугодомъ послѣ нашей поѣздки. Обычнымъ порядкомъ идутъ учебные дни: уроки смѣняются „занятыми часами“ и „занятые часы“ уроками. Не за горами и экзамены... А все кажется, что чего-то не хватаетъ въ учебномъ курсѣ, все вспоминаются тѣ простыя занятія безъ часовъ и минутъ, которыя велись въ вагонѣ желѣзнодорожнаго поѣзда, или на Днѣпровскомъ пароходѣ, или въ Кіевскихъ соборахъ, или вблизи мощей Святителя Черниговскаго и Кіевопечерскихъ подвижниковъ или, наконецъ, на Братскомъ кладбищѣ и Малаховомъ курганѣ. Какъ скоро и совершенно безъ труда усвоились *тѣ* уроки! И какъ долго, думаю, они продержатся въ памяти! Здѣсь, въ классѣ, сколько бы разъ ни повторялъ свои объясненія, все равно — пробьетъ звонокъ, пройдетъ экзамень, будетъ конченъ школьный курсъ и — все забудется, что когда то учено было. А тотъ урокъ никогда не забудется. И не только не забудется, но, съ теченіемъ времени, и улучшится въ своемъ качествѣ, и увеличится въ своемъ объемѣ и силѣ впечатлѣнія. Пройдетъ много лѣтъ со времени Кіевской поѣздки. Уже отцами и дѣдами будутъ „участники путешествія“, а все еще не перестанутъ твердить они на разные лады свой старинный урокъ. Живо рисуетъ мое воображеніе далекое будущее.

Поздній вечеръ. Буранъ на улицѣ. Въ домѣ сельскаго священника одиноко лампада горитъ предъ образами, топится печь.

По стѣнамъ развѣшены картины времени юности: фотографическіе снимки южной поѣздки. Отець, вмѣсто матери, уѣхавшей въ городъ, укачиваетъ младшаго сына. Давно забылъ или, можетъ быть, никогда не зналъ онъ никакой колыбельной пѣсни. А малютка не спитъ безъ убаюкиванья. Блуждая задумчивымъ взоромъ, взглядываетъ отецъ на стѣны дома и совершенно безсознательно — тихо, въ полголоса начинаетъ пѣть... „про Москву, про Астрахань, про Кіевъ, про Казань“. Чутко вслушиваются старшія дѣти въ пѣсню и — стоитъ уснуть младшему брату, какъ сразу же начинаютъ спрашивать отца о томъ, что онъ пѣлъ надъ колыбелью. Оживится отецъ и далеко за полночь затянется задушевная бесѣда. А еще чрезъ много лѣтъ, вспомнится *юношья* рассказъ старика — отца и, кто знаетъ, быть можетъ найдетъ себѣ воплощеніе въ ученой, глубоко продуманной и сердечно написанной диссертациі на тему, подсказанную воспоминаніемъ дѣтства...

Но не одной только быстротѣ воспріятія и живучести воспоминаній содѣйствуетъ путешествіе, нѣтъ: еще больше, еще всестороннѣе его *воспитательное* вліяніе во всѣхъ областяхъ, начиная съ внѣшней дисциплины и кончая развитіемъ лучшихъ душевныхъ настроеній. Въ обычное учебное время какъ много тратится энергіи на то, чтобы сдерживать въ должныхъ границахъ „порывы юности“. Но зато какъ мало нужно было ея нашимъ юношамъ во время поѣздки. На людяхъ — ли, или наединѣ сами съ собою, во время остановки, всѣ они вели себя такъ, какъ не научилъ бы ихъ себя вести и самый строгій „режимъ“. Да и что значить даже самая образцовая дисциплина по сравненію съ тою, которую создаетъ впечатлѣніе береговъ Днѣпра, Аскольдовой могилы, пещеръ, Владимірскаго собора — съ одной стороны, и съ другой — неописуемыхъ по своей красотѣ видовъ моря, высокихъ горъ и цвѣтущихъ виноградниковъ?..

Затѣмъ. У насъ такъ часто говорятъ о необходимости сохраненія въ ученикахъ религіознаго и патріотическаго настроенія и все еще держатся убѣжденія, что можно уберечь юношество, затворивъ двери въ міръ и закрывъ всѣ входы и выходы, откуда могло бы проникнуть въ школьный монастырь мірское тлетвор-

ное вліяніе. Великая въ этомъ ошибка. Вліяніе проникаеть „черезъ заборы, черезъ окна, даже черезъ скважины стѣнъ“. Не достигаются результаты путемъ отрицательнымъ... Но попробуйте для той же цѣли употребить другой путь, вмѣсто „сохраненія“ попробуйте *создать* настроеніе, и васъ удивять результаты, вами полученные. Самаго безпокойнаго, неугомоннаго юношу, если онъ еще не совсѣмъ испорченъ, проведите вы по всей русской землѣ—отъ края до края, — у гробницъ предковъ прочитайте ему лекцію о великихъ людяхъ, до смерти стоявшихъ за благо родины, покажите ему, затѣмъ, путь христіанства отъ Корсуня къ Кіеву, и Москвѣ, и Соловкамъ; побывайте съ нимъ при благолѣпныхъ столичныхъ службахъ — и соборныхъ, и монастырскихъ — съ хорошимъ хоромъ пѣвчихъ, съ истовымъ соблюденіемъ церковныхъ обычаевъ, и — мы увѣрены — онъ скажетъ тоже, что и послы Кіевскіе: „мы забыли, на небѣ или на землѣ стоимъ“... Ужъ если пословъ, закаленныхъ въ бояхъ, молившихся о томъ, чтобы „Перунъ далъ булатный мечъ“, *) — если ихъ задѣло за сердце великолѣпіе храма и истовая церковная служба, — ихъ привыкшихъ къ боямъ и убійствамъ, то ужели она не зажжетъ Божьей искры въ добрыхъ нашихъ юношахъ и ужели не научить ихъ всей душой любить вѣру православную и Русь святую?..

Вѣримъ, что и здѣсь дерево дастъ хорошіе плоды, если къ нему будутъ привиты *живыя силы*.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ этомъ дневникѣ. Вчера принесли мнѣ послѣднюю корректуру. Началь читать — и сердце кровью облилось: стыдно стало за свою малограмотную рукопись... Но чѣмъ дальше я вчитывался въ знакомыя строки и страницы, тѣмъ больше и больше уходили изъ сознанія грамматическія и стилистическія ошибки, смѣняясь живыми впечатлѣніями, и тѣмъ все дороже и дороже становилась мнѣ моя повѣсть. Жаль стало исправлять или уничтожать написанное. Такъ иногда бываетъ съ состарѣвшимся и много уже испытаннымъ челоукомъ. Найдеть онъ вдругъ, среди старинныхъ бумагъ, глупое, малограмотное

*) Опера „Русланъ и Людмила“.

письмо время юности, покраснѣть, застыдится написанныхъ когда-то съ увлеченіемъ строкъ и готовъ уже будетъ уничтожить ихъ. Но... жаль ему станетъ, — серьезному, умному, корректному человѣку жаль станетъ давно минувшей глупой, несдержанной, безтактной молодости. Жаль и мнѣ своего дневника. Вѣдь это тоже — часть моей жизни, моей лучшей жизни. Кто знаетъ, можетъ быть доживу до той поры, когда *ничѣмъ* уже будетъ жить, кромѣ прошлаго. И тогда сослужать свою службу эти дорогія воспоминанія.

К. Казанскій.

НА РАЗМЫШЛЕНІЕ ДУХОВЕНСТВА (*)

(Окончаніе).

Перенесемъ теперь еще далѣе, въ Сѣверную Сибирь, въ среду дикарей. (Разсказъ путешественника Носилова „Батя“, помѣщ. въ Нов. Врем. 1899 г. №№ 8284 и 8293)

Разсказъ написанъ со словъ священника, который поступилъ въ приходъ на р. Оби, сѣвернѣе Березова, къ остякамъ и вогуламъ. Бѣдность поразительная. „Матушка“ только ахнула, когда увидѣла наше село. Храмъ, пара домиковъ для причта, домика два русскихъ и кругомъ съ десятокъ въ лѣсу избъ дикарей. Великое запустѣніе встрѣтилъ я и въ храмѣ и въ домѣ: священника не было года два. Однако я не палъ духомъ: очистилъ храмъ, прибралъ убогую квартирку въ церковномъ домикѣ и, когда пришла пѣрвая суббота, послалъ трапезника вогула благовѣстить къ вечернѣ. Повѣрите, слезы выступили у меня изъ глазъ, какъ я услыхалъ первый жиденъкій звукъ колокола, какъ онъ жалобно раскатился по лѣсу... Позвонилъ такъ трапезникъ съ полчаса на колокольнѣ, посмотрѣлъ я въ окошечко: хоть бы душа какая откликнулась въ юртахъ, словно не прихожане, а лѣсъ кругомъ стоитъ; позвалъ семейку помолиться Богу и пошелъ служить первую службу. Отслужилъ. Думаю, можетъ завтра на утро на литургію придуть. Поужинали съ семьей; посидѣли вечеръ на завалинкѣ у воротецъ, потолковали, и пошелъ я въ горенку читать положен-

(*) См. ту же статью въ №№ 3 и 4 Сам. Еп. В. с. г.

ное правило. Только опустился я на колѣна, читаю, молюсь передь образомъ со свѣчкой, какъ вдругъ слышу что-то гудить. Гудить и гудить. Страшно такъ гудить и все громче и громче... Читаю грѣшный, а самъ прислушиваюсь и страхъ какой-то на меня нашель, даже молиться не могу — вздрагиваю... Не вытерпѣлъ, поднялся съ колѣнъ, пошелъ было къ окну послушать — что такое, а позади меня стоитъ матушка и блѣдная такая, что я даже испугался. Что такое, мать? спрашиваю. Отецъ, говорить, вѣдь дикари-то шаманять на праздникъ, укроти ихъ, слышать не могу ихняго барабана, дочь даже плачетъ отъ страху. Взялъ я шапку, кликнулъ съ собой трапезника и пошелъ, откуда изъ лѣсу барабанъ слышно. Перекрестился, сказалъ трапезнику, чтобы онъ провелъ меня къ той горѣ, гдѣ барабанять и пошелъ за нимъ по узенькой тропиночкѣ въ лѣсъ, откуда свѣтилось два-три огонечка. Проходимъ юрту, проходимъ другую — никого. Вижу въ юртѣ шаманять, освѣщена, въ окошечко видать, что полна народу; въ чувалѣ огонь такъ и пышетъ, и передъ нимъ, на срединѣ юрты, самый шаманъ — мой прихожанинъ, съ чернымъ барабаномъ, и колотить по немъ палочкой. Кругомъ его видно при свѣтѣ, какъ вспыхнетъ огонь, сидятъ на нарахъ дикари — халаты распахнуты, волосы распущены, лица все темныя, головы повѣсили и слушаютъ, молчатъ. Не вытерпѣлъ я: загорѣлось у меня въ сердцѣ, отворилъ я двери у юрты, шагнулъ туда и говорю: миръ вамъ, братіе! Дикари остолбенѣли. Шаманъ пересталъ бить. Смотрятъ на меня такіе страшные и никто не говоритъ ни слова. Что вы дѣлаете, крещеные люди? спрашиваю. Кому молитесь? Кого зовете? Не возлѣ-ли васъ храмъ?.. И пошелъ и пошелъ... Откуда сталъ проповѣдникъ! Только поднимается передо мною одинъ старикъ, лохматый такой, косы распущены по плечамъ, глаза сверкаютъ и говоритъ: молчи, батя, не мѣшай намъ и мы тебѣ мѣшать не будемъ... Какъ такъ, спрашиваю, не мѣшай, — развѣ на поущеніе послалъ меня сюда владыка? Куда! говорить даже не даетъ. — Мѣшать будешь, надѣлять тебя не будемъ. Что ѣсть будешь? Что ѣсть будешь? Что ѣсть будешь, вдругъ закричали остальные вогулы, и я было отступилъ уже къ порогу. Шумъ

поднялся страшный: кто грозит голодомъ, кто холодомъ, кто кричить, что я здѣсь совсѣмъ погибну... Подождалъ я, когда они прокричались, и говорю имъ: напрасно, добрые люди, пугаете, что не будете надѣлять. Богъ меня и такъ не оставитъ, а долгъ мой превыше всего земного; развѣ птицы небесныя... и пошелъ, и пошелъ имъ ораторствовать: никогда не думалъ я, что я такой проповѣдникъ. И вѣдь что же? убѣдилъ вѣдь: слушали они меня, слушали — Богъ-ли имъ что на душу положилъ, или такъ, только вижу я: они смириѣе и смириѣе; видятъ — я правъ; видятъ — я не струсилъ; видятъ — я не сдаюсь, и стали со мной соглашаться, что шаманить имъ дѣйствительно не полагается. Долго я имъ говорилъ, долго я ихъ убѣждалъ; матушка даже сына послала попровѣдать, — ужъ не убили-ли меня дикари, и кончилось это тѣмъ, что они не только дали мнѣ слово не барабанить, но даже и самый барабанъ отдали... Барабанъ этотъ я „бросилъ въ воду. Неси, рѣка, куда хочешь“.

„Ну, на другой день во время литургіи кое-кто дѣйствительно приходилъ въ храмъ Божій; одинъ даже свѣчу поставилъ передъ образомъ... Только ни молиться они, бѣдные, не знаютъ, какъ по настоящему, ни держать себя въ храмѣ, словно вотъ чужія какіе, иностранные. Даже жалко на нихъ смотрѣть: разговариваютъ, ходятъ изъ угла въ уголъ, повертываются спиной, за всѣмъ слѣдятъ съ любопытствомъ, и какъ вышелъ причетникъ апостоль читать, такъ даже въ ротъ ему заглядываютъ и въ книгу... Страшно ужъ они любопытны. Одинъ даже чуть въ алтарь ко мнѣ не забрался: такъ его разобрало любопытство, что я тамъ дѣлаю, стоя предъ престоломъ“.

Далѣе рассказывается, какъ священникъ сталъ по-немногу просвѣщать дикарей: когда въ храмѣ, когда въ юртѣ, когда въ квартиру зазовешь. Только „матушка больно обижалась сначала, что отъ нихъ запахъ такой я приношу въ домъ, что дажедохнуть невозможно“. Нужна дикарямъ и помощь медицинская, и матеріальная. А между тѣмъ намъ приходится самимъ чуть не побираться у дикаря, выѣзжая въ приходъ за сборами. Картина поразительная. „Приѣдешь въ юрты — голо: дикарь на-половину

въ лѣсу, или куда уѣхалъ къ русскимъ кланчить хлѣба; зайдешь въ юрту, попросишь надѣлать, только ахаютъ отъ сочувствія, и видишь, надѣлили бы, да у самихъ ничего нѣтъ; и если вынесетъ тебѣ мерзлыхъ налимовъ кто десятокъ на подолѣ и высыпетъ предъ тобою на снѣгъ и скажетъ: на, батя, ѣшь, вотъ тебѣ налимы! — такъ бѣжалъ бы отъ этой сцены, такъ она тяжела для нашего брата“.

Подумалъ, подумалъ батюшка, посоветовался съ добрыми людьми, да и рѣшилъ самъ заняться рыболовствомъ. Сдѣлалъ себѣ каючокъ, запасся принадлежностями и весной, какъ разлилась рѣка, переселился какъ на дачу со всѣмъ семействомъ и вмѣстѣ съ своими прихожанами отправился на промыселъ... Рады всѣ, что вырвались на волю. „Повѣрите даже плачешь, когда, стоя на рулѣ, такъ тебя радуетъ это приволье и свобода“. Сначала батюшка опасался, какъ посмотреть благочинный на его занятіе. Но послѣдній только посмѣялся и говоритъ: „что же доброе дѣло отецъ выдумалъ; чѣмъ сидѣть въ лѣсу цѣлое лѣто, лучше покочевать съ своими прихожанами, можетъ тамъ какая треба“... И сталъ батюшка по-зажиточнѣе, даже прихожанамъ помогать. И они сразу перемѣнились къ нему: очень уважаютъ они, кто по-богаче ихъ.

И сталъ ихъ батюшка учить. А сколько было у него хлопотъ съ исповѣдью, „даже страшно вспомнить“. Съ наступленіемъ великаго поста посылаешь десятника по юртамъ посылать въ церковь. Иначе ни одинъ не прійдетъ. „Прійдутъ поговѣть дня на три. И первое, какъ прійдутъ — то сейчасъ къ богатому чело-вѣку — просить водки. И просишь и убѣждаешь ихъ, не пейте, грѣхъ, хотя на это время воздержитесь; нѣтъ не слушаютъ: табаку и водки такъ нажрутся, что даже тошнить, какъ отъ нихъ пахнетъ“. Придутъ, свѣчекъ восковыхъ наберутъ въ горсти и цѣлую службу переходятъ съ ними отъ одного образа къ другому. А бѣдный купить одну свѣчку и переставляетъ ее предъ всѣми образами. Сгорятъ свѣчки, соберутся въ уголокъ и даже сядутъ: не могутъ долго стоять... Засматриваютъ въ алтарь, или дьячку въ ротъ. „А что касается колокольнаго звона, такъ это цѣлое несчастье: только дашь сигналъ трапезнику благовѣстить,

они уже за нимъ на колокольную.; нужно въ одинъ, а они во всѣ дергають“... Походятъ такъ дня два, велишь вечеромъ приходитъ на исповѣдь въ церковь. Подходить, молчитъ. Помню, спрашиваю: не украль-ли? что ты, что ты, батя; когда я что украль? Попятился отъ меня, высунулся къ своимъ, сказалъ имъ что-то по своему, тѣ за него заступились и долго было имъ выяснять значеніе грѣха, въ чемъ пособилъ и дьячекъ. Всѣ бы убѣжали изъ церкви. Спасибо, дьячекъ дверь приперъ. Шумъ подняли. Едва уговорили.

„Что дѣлать? Подумалъ я, подумалъ, подозвалъ ихъ всѣхъ къ амвону, велѣлъ имъ пасть въ землю; пали они предо мною, лежать, — прикрылъ я ихъ эпитрахилью и прочиталъ отпустительную молитву. Какъ сейчасъ помню — слезы изъ глазъ бѣгутъ, а я читаю надъ ними и молюсь“... На другой день причащеніе. Пришли чистенькіе, причесанные, въ новыхъ рубашкахъ. Многіе не будучи замѣчены, причастились по дважды: имъ нравится запивать теплотой... „Великая еще тьма царить въ ихъ трущобахъ“...

Посмотримъ теперь на представителей чернаго духовенства. (Разсказъ г. Иксуля „въ монастырѣ“, помѣщ. въ Моск. Вѣд. 1899 г. №№ 107 — 109). Молодой и талантливый художникъ, сбитый съ толку, либеральными идеями 60 годовъ, озлобленный на жизнь и не вѣрующій, взялся расписать новый храмъ въ одномъ южномъ монастырѣ. Прибывъ на мѣсто, онъ не интересуется ни монастыремъ, ни его обитателями, которыхъ считаетъ невѣжественными, суевѣрными и тунеядцами. Однако, не смотря на невнимательность его къ окружающему, съ первыхъ же дней пребыванія его въ монастырѣ, ему приходится наталкиваться на факты, которые совсѣмъ не мирятся съ составленнымъ его взглядомъ на монаховъ.

Первое, что удивило нашего художника въ монастырѣ, это неизмѣнное благодушіе его обитателей; а второе, надъ чѣмъ пришлось задуматься — это мнѣніе о монашеской праздности. Молодому художнику пришлось убѣдиться въ выносливости и благодушій монаховъ, и въ ихъ великомъ подвигѣ не только молитвенномъ, но и по части исполненія разнообразныхъ обязанностей

по монастырю при самомъ простомъ питаніи. „Случайно нашъ художникъ знакомится съ монастырскимъ духовникомъ о. Арсеніемъ, который для перваго знакомства указываетъ ему на отсутствіе исторической правды въ написанной имъ иконѣ Воскресенія Христова. О. Арсеній высказываетъ по этому поводу художнику столько дѣльныхъ мыслей, что послѣдній приходитъ въ изумленіе. Онъ былъ убѣжденъ, что монахи потому только и вѣрують, что они все простецы и темный людъ. Теперь же оказывалось, что эти простецы думали, рассуждали и сознательно вѣрили въ догматы своей религіи.

А вы, батюшка, вѣроятно, получили образованіе, учились гдѣ нибудь? спросилъ онъ монаха.

Какъ же. Вотъ мой университетъ, указаль онъ рукою на видѣвшійся чрезъ окно монастырь; и, помолчавъ минуту, улыбаясь, прибавилъ: а вы, вѣрно, думали, что размышлять способенъ только образованный человѣкъ? Нѣтъ, всякъ по мѣрѣ своего разумѣнія“...

Послѣ этого начинается постепенное сближеніе художника съ о. Арсеніемъ, который „былъ человѣкъ безспорно умный, въ духовной литературѣ весьма начитанный и вообще любознательный, всѣмъ интересовавшійся“. Художникъ первоначально пытался было поколебать и смутить его различными „премудростями“, но о. Арсеній оставался невозмутимо спокоенъ. А между тѣмъ самъ художникъ началъ все болѣе и болѣе ощущать на себѣ вліяніе монастырской обстановки вообще и бесѣдъ съ о. Арсеніемъ въ особенности. Его прежнее, озлобленное и раздраженное настроеніе начало исчезать. „Здѣсь онъ видѣлъ вокругъ себя все благодушныя ясныя лица, слышалъ ласковую и спокойную рѣчь, одинъ тонъ которой могъ образумить взбаламученнаго человѣка. Онъ чувствовалъ здѣсь и большую свободу дѣйствій; никто не навязывалъ ему тутъ съ желчью своихъ взглядовъ и убѣжденій, никто не сбивалъ его, и онъ начиналъ по временамъ ощущать въ себѣ свое собственное Я, личную самостоятельность, не прежнюю, капризную, исчужѣ навѣянную и болѣе похожую на упрямство и зубренный урокъ, но самоличную, сознательную и потому болѣе

устойчивую и успокоительную. Много измѣнился онъ и въ образѣ своихъ мыслей и понятій“. А поживши еще немного въ монастырѣ, художникъ въ бесѣдѣ съ о. Арсеніемъ называетъ его „сфинксомъ“ и выражаетъ истинное удивленіе трудовой и чуждой отъ тревоженій мірскихъ монастырской жизни.

Теперь о. Арсеній уже настоящимъ образомъ начинаетъ убѣждать художника. Часто и по долгу бесѣдуютъ они и не безплодно. По совѣту о. Арсенія, художникъ говѣетъ на страстной недѣлѣ и исповѣдуются у о. Арсенія; въ великій четвергъ, во время чтенія евангелій, и въ особенности во время пасхальной утрени, окончательно обрѣтаетъ вѣру и необыкновенная радость наполняетъ всю его душу. Раздраженность, озлобленность и всякія неровности характера исчезаютъ у него навсегда, и онъ покидаетъ монастырь окончательно умиротвореннымъ.

Теперь художникъ — онъ же и авторъ разказа — уже семейный человѣкъ. „Жена моя, говоритъ онъ, нерѣдко удивляется терпѣливости моего нрава и спокойствію моего духа при всякихъ обстоятельствахъ жизни; и въ такихъ случаяхъ благодарная мысль моя несется къ маленькому отдаленному монастырю и къ его скромному духовнику, отцу Арсенію, во дни юности спасшимъ меня, быть можетъ, отъ многихъ золъ и бѣдъ и возрождавшимъ меня къ новой жизни, въ которой обрѣлъ я душевный миръ и покой“.

Въ довершеніе всего, посмотримъ на единственный въ своемъ родѣ, оригинальный и вмѣстѣ вполнѣ развитой типъ пастыря — инока, (выставленный въ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы“) въ образѣ старца Зосимы. О. Зосима — это монастырскій старецъ — инокъ — и по міровоззрѣнію, и по образу жизни, и по роду дѣятельности. Пастырская и иноческая дѣятельность его неотдѣлимы и вытекаютъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ. Зосима — инокъ — есть съ одной стороны живое, воплощенное отрицаніе и обличеніе дѣйствительнаго состоянія и жизни общества; съ другой — положительная нравственная и дѣятельная сила, имѣющая побѣдить Христу міръ.

По взгляду Зосимы иноческой идеаль есть идеаль для всѣхъ людей. „Ибо иноки, говоритъ онъ, не иные суть человѣки, а

лишь только такіе, какими и всѣмъ на землѣ людямъ быть надлежало бы“.., Только иноки „образъ Христовъ хранятъ пока въ уединеніи своемъ благолѣпно и неискаженно, въ чистотѣ правды Божіей и когда надо будетъ, явятъ ее поколебавшейся правдѣ міра“. Начала жизни мірской по существу своему начала шаткія и случайныя. Міръ въ замѣнъ правды Божіей хочетъ положиться на науку, хочетъ „устроиться справедливо однимъ умомъ своимъ, но уже безъ Христа“. Между тѣмъ „въ наукѣ лишь то, что подвержено чувствамъ“, одно сбивчивое и непрочное. Въ стремленіи къ единенію, къ братскому общенію учителя міра достигаютъ только матеріальныхъ успѣховъ на почвѣ самолюбивыхъ исканій и на этой почвѣ „мысль о служеніи человѣчеству, о братствѣ и цѣлостности людей во имя Христа въ современномъ обществѣ угасаетъ: съ развитіемъ прогресса внѣшняго, человѣкъ стремится себя самого поставить вмѣсто Бога, стать человѣко-богомъ; нравственная распущенность, чувственность и другіе пороки наполняютъ жизнь міра. Въ иночествѣ же инокъ послушаніемъ, постомъ и молитвою отсѣкаетъ отъ себя лишнія потребности, смиряетъ волю свою и достигаетъ высшей свободы духа, въ которой заключается духовное достоинство, духовное равенство и „веселье духовное“. Вотъ почему Алексѣй Карамазовъ—это вполне здоровая и идеальная натура—выступаетъ прямо въ роли монастырскаго послушника. „Былъ онъ, говоритъ Достоевскій, просто ранній человѣколюбецъ и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что въ то время она одна поразила его и представила ему, такъ сказать, идеальнаго исхода рвавшейся изъ мірской злобы къ свѣту любви души его“. Мірская жизнь не могла удовлетворить любвеобильнѣйшей природы Алеши, и этотъ юноша „честный по природѣ своей, требующій правды, ищущій ее и вѣрующій въ нее, а увѣровавъ требующій немедленнаго участія въ ней всею силою души своей“ идетъ за правдой изъ міра въ монастырь и дѣлается самымъ пылкимъ и усерднымъ ученикомъ старца Зосимы. Послѣдній по чувству любви и состраданія къ ихъ слабостямъ взялъ на себя добросовѣстный подвигъ—приводитъ людей къ покаянiю и исправленію чрезъ пробужденіе въ нихъ голоса совѣсти

и возбужденіе личной энергіи на этомъ пути. Поэтому руководительство Зосимы исключительно нравственное, основанное на свободномъ и безусловномъ довѣрїи обращающихся къ нему. „Если что и охраняетъ общество даже въ наше время, говоритъ Зосима, и даже самого преступника исправляетъ и въ другого человека перерождаетъ, то это единственно лишь законъ Христовъ, сказывающійся въ сознаниіи собственной совѣсти. Только сознавъ свою вину, какъ сынъ Христова общества, т. е. церкви, онъ сознаетъ и вину свою предъ самимъ обществомъ, т. е. предъ церковію. Такимъ образомъ предъ одною только церковію современный преступникъ и способенъ сознать вину свою, а не то, что предъ государствомъ“. Судъ церкви есть судъ совѣсти и это „есть судъ единственно вмѣщающій въ себѣ истину и ни съ какимъ инымъ судомъ, вслѣдствіе сего, существенно и нравственно сочетаться даже и въ компромиссъ временный не можетъ“. Въ старчества о. Зосимы и подобныхъ ему заключается „тайна обновленія для всѣхъ, та мощь, которая установитъ, наконецъ, правду на землѣ и будутъ всѣ святы и наступитъ настоящее царство Христово“. Особенно это старчество важно и благотѣтельно для русскаго народа. „Для смиренной души русскаго простолюдина, измученной трудомъ и горемъ, а главное—всегдашнею несправедливостію и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія, какъ обрѣсти святыню, или святаго, пасть предъ нимъ и поклониться ему“. Этотъ святой старецъ беретъ „вашу душу, вашу волю въ свою душу и въ свою волю... Этотъ искусь, эту страшную школу жизни обрекающій себя принимаетъ добровольно въ надеждѣ послѣ долгаго искуса побѣдить себя, овладѣть собою до того, чтобы могъ наконецъ достигъ, чрезъ послушаніе всей жизни, уже совершенной свободы, т. е. свободы отъ самого себя, избѣгнуть участи тѣхъ, которые всю жизнь прожили, а себя въ себѣ не нашли“.

Таково пастырство старца Зосимы—подвижника и страдальца, способнаго обнять и совмѣстить въ своей пастырской совѣсти душу и совѣсть всякаго обращающагося къ нему за высшей правдой, которой лишена мірская жизнь, и за той свободой духа, съ

которой въ душѣ человѣка, предавшагося старцу, водворяется истинный миръ и увѣренность въ себѣ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Изъ загробнаго міра. Свидѣтельства умершихъ и откровенія о загробной участи людей, по Четьи-Минеймъ св. Димитрія Ростовскаго. Свящ. Ник. Русанова. Вольск. 1900 г. Ц. 40 коп.

Содержаніе книжки: свидѣтельство свящ. Писанія о загробной участи человѣка (7—29 стр.); и свидѣтельство о томъ же Четьи-Миней по житіямъ блаж. Θεодоры (30 дек.), Иларіона Великаго (21 окт.), воина Таксіота (28 марта), Марка Враческаго (5 апр.), Θεодора Студита (11 ноября), Іоанникія Великаго (4 ноября), Андрея, Христа ради юродиваго (2 окт.), Іоасафа Индійскаго (19 ноября), апост. Θомы (6 окт.), препод. Матроны (9 ноябр.), препод. Зосимы Соловецкаго (17 апр.), Аванасіи (12 апр.), мучч. Евстафія, Θεеспесія и Анатолія (20 ноября), Θεодула (5 апр.), препод. Параскевы *) (14 окт.), муч. Уара и блаж. Клеопатры (19 окт.). Въ концѣ кратко (118—121 стр.) изложено нравственное приложеніе ученія о загробной жизни.

Книжка можетъ быть назидательной только для взрослыхъ; и то, не для всѣхъ, для дѣтей же положительно непригодна.— Подробный перечень грѣховъ противъ 7-й заповѣди (на стр. 60—63)... грѣхи противоестественные... совокупленіе съ бѣсами, съ безсловесными животными и др.) совсѣмъ не дѣтское чтеніе. Такіе грѣхи несомнѣнно произведутъ въ дѣтскихъ чистыхъ умахъ не только помраченіе, но и возбудятъ массу вопросовъ, вредно отзывающихся на умы и сердца. На этихъ подробностяхъ тѣмъ болѣе не слѣдуетъ настаивать, что по свидѣтельству св. Кирилла Александрійскаго въ словѣ „о исходѣ души“ порядокъ и число мытарствъ представляется въ иномъ видѣ, что и вызвало такое замѣчаніе Митроп. Макарія (Православно—догм. богосл. т. II, стр. 538): „не слѣдуетъ привязываться къ частностямъ, которыя у разныхъ писателей и въ разныхъ сказаніяхъ самой церкви,

*) Παρά--σκευή, отсюда Параскева. Въ книжкѣ вездѣ значитъ Пераскева.

при единствѣ основной мысли о мытарствахъ, представляются различными“. Не для дѣтскаго пониманія написаны примѣчанія и дополненія въ концѣ книги (7 стр.). Тамъ напр. помѣщены ссылки на Каро, — Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ; Цертелевъ, — Современный пессимизмъ въ Германіи и т. д.

Наконецъ положительнымъ и важнымъ опущеніемъ слѣдуетъ назвать то, что 40-й день по смерти почему-то совсѣмъ не упомянуть въ нравственномъ приложеніи въ числѣ дней, обязательныхъ для поминовенія умершихъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВНОВЬ ОТКРЫТА
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ
ЖИВОПИСИ

А. Ф. ЧЕПУРИНА.

ПРИНИМАЮ ЗАКАЗЫ ЖИВОПИСИ:
иконы, картины и стѣнную живопись
ВЪ ЦЕРКВАХЪ.

По желанію г.г. заказчиковъ работы произвожу
въ разсрочку.

Г. Самара, Дворянская улица, домъ Гребенщиковой
№ 68.

ЧИСТОЕ ВИНОГРАДНОЕ ВИНО

собственного сада на Кавказѣ

ВЪ СКЛАДѢ

Г. И. ИВАНОВА.

Въ г. Самарѣ, уголъ Заводской и Соборной ул.

По случаю большого спроса чистаго вино-граднаго церковнаго вина, приобрѣтеніе котораго требуетъ большой спеціальности вслѣдствіе раз-вившейся фальсификаціи даже на мѣстѣ прои-водства, воизбѣжаніе этого и чтобы поставить дѣло на твердую почву я приобрѣлъ въ собствен-ность виноградный садъ близъ г. Кизляра, Тер-ской области. Церковное вино будетъ отпускаться чистое виноградное, выдержанное на мѣстѣ про-изводства; для перквей скидка 10% съ рубля.

24—15

Кавказскій садовладѣлецъ Ивановъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЙ и ГУБЕРНСКІЙ АРХИТЕКТОРЪ

Ө. С. Хилинскій

имѣетъ большой выборъ чертежей съ готовыми смѣтами церквей, школь и церквей—школь, а также и прич-товыхъ домовъ, уже выстроенныхъ въ епархіи. Прини-маетъ на себя устройство всякаго рода печей (гол-ландскихъ, круглыхъ и колориферныхъ) съ вентиляціей и топкою на дрова, кизякъ и нефть.

ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ:

ДРАПЪ, СУКНО, ТРИКО,

новѣйшія шелковыя и шерстяныя матеріи, плюшь шубный, ковры,
скатерти бархатныя, роскошнѣйшія бумазени

и для духовенства, на рясы и подрясники различнаго рода матеріи

— получилъ центральный магазинъ —

Н. Д. КАЗАЧЕНКОВА.

Самара, Дворянская улица, собствен. домъ.

СЪ 1-ГО ОКТЯБРЯ СЕГО 1900 ГОДА

ТОРГОВЛЯ НА НОВЫХЪ НАЧАЛАХЪ.

Цѣны внѣ всякой конкуренціи, съ ручательствомъ за доброкачественность товаровъ.

1870 — Фирма существуетъ 30 лѣтъ. — 1900

Управляющій магазина Н. Н. КЛЕНКИНЪ.

**СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1901 ГОДА
ВНОВЬ ОТКРЫЛСЯ
МАГАЗИНЪ**

І. С. КАЛМАНЮКЪ

*въ г. Самара на Дворянской улицѣ, въ домъ Сибиряковой (противъ
магазина Казаченкова),*

съ большимъ выборомъ золотыхъ, серебряныхъ и брилліантовыхъ
издѣлій, такъ-же часовъ: карманныхъ, стѣнныхъ и столовыхъ
ФАБРИКИ ГЕНРИХА МОЗЕРЪ и К^о.

ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ И БЕЗЪ ЗАПРОСА.

При магазинѣ имѣются ювелирная и часовая мастерскія подь наблюденемъ опытныхъ
мастеровъ. Требованія гг. иногороднихъ и окупателей исполняются немедленно и высы-
лаются наложеннымъ платежемъ **БЕЗЪ ЗАДАТКА.**

Адресъ для писемъ: г. Самара І. С. Калманюкъ.

» для телеграммъ: г. Самара Юсифу Калманюкъ.

12-5

МАГАЗИНЪ
В. П. ЧЕРНОВА.

Самара, Дворянская улица, домъ Шумовой

ИМѢЕТЪ ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

сукно, трико, драпъ, модныя шелковыя и шерстяныя ткани
для платьевъ и кофточекъ.

ПЛЮШЪ ПУШНЫЙ ШЕЛКОВЫЙ И ШЕРСТЯНОЙ,
бархатъ, плюшъ для платьевъ и отдѣлокъ.

Полотняные товары, мебельныя матеріи, готовыя портьеры, гардин-
ный тюль, ковры, дорожки, скатерти, платки, одѣялы и всевозмож-
ные бумажные товары.

ИМѢЕТСЯ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАТЕРІЙ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ДУХОВЕНСТВА.

P. S. Образцы по требованію иногороднихъ господъ покупателей высылаются
бесплатно, посылки съ наложеннымъ платежомъ.

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ
ЖИВОПИСИ
Н. И. БАРОНСКАГО.**

Принимаю заказы живописи:

**ИКОНЫ, КАРТИНЫ и стѣнную живопись
ВЪ ЦЕРКВАХЪ.**

По желанію г.г. заказчиковъ работы
произвожу въ разсрочку.

Г. Самара, Новособорная улица, домъ Пронина.

СОДЕРЖАНІЕ. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — Епархіаль-
ныя извѣстія. — Объявленія.

Слово въ день преставленія святителя Алексія, митрополита всея Рос-
сія, Московскаго чудотворца. — Поученіе на братской вечернѣ 14 января
1901 г. о смиреніи. — О пребываніи св. чудотворной иконы «Взысканіе по-
гибшихъ» въ с. Натальинѣ Николаевскаго уѣзда. — На родинѣ (стихотворе-
ніе). — На югѣ. Дневникъ воспитанниковъ Самарской духовной семинаріи
за время лѣтней экскурсіи 1900 г. (Окончаніе) — На размышленіе духовен-
ства. — Библиографическая замѣтка. — Объявленія.

Редакторъ, протоіерей *Н. Боголюбскій.*

Дозволено цензурою 15-го марта 1901 г. Цензоръ прот. *М. Смирновъ.*

Тип. Самарской Духовной Консисторіи (Н. А. Жданова).